...ВНИЦТВО ТОВАРИСТВА „ПРОСВѢТА“
...ЖГОРОГѢ ⁂ ЧИСЛО 30—31.

...БРОДѢТЕЛЬ ПРЕВЫШАЕТЪ БОГАТСТВО

ИГРА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

Написавъ:
АЛЕКСАНДЕРЪ ДУХНОВИЧЪ

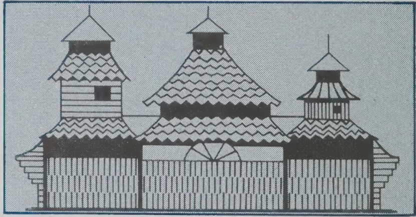
ДРУГЕ ВЫДАНЯ.

PG
3948
D85D63
1923
c.1
ROBARTS

УЖГОРОДЪ
...ПЕЧАТНЯ АКЦІОНЕРНОГО ТОВАРИСТВА „УНІО“
1923

EX LIBRIS

PAUL R. MAGOCSI



Presented to the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

by

PAUL MAGOSCI

ВЫДАВНИЦТВО ТОВАРИСТВА „ПРОСВѢТА“
БЪ УЖГОРОГѢ ЖЖЖ ЧИСЛО 30—31.

ДОБРОДѢТЕЛЬ ПРЕВЫШАЕТЪ БОГАТСТВО

ИГРА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

Написавъ:
АЛЕКСАНДЕРЪ ДУХНОВИЧЪ

ДРУГЕ ВЫДАНЯ.

LIBRARY
FEB 4 2002
UNIVERSITY OF TORONTO

УЖГОРОДЪ
КНИГОПЕЧАТНЯ АКЦІОНЕРНОГО ТОВАРИСТВА „УНІО“
1923.

АЛЕКСАНДЕР ДУХНОВИЧ

БУДИТЕЛЬ ПОДКАРПАТСКИХ РУСИНОВ.

уродився дня 24. апрѣля 1803 р., помер дня 30. марта 1865 р.

ПЕРЕДНЄ СЛОВО ДО ДРУГОГО ВЫДАНЯ.

Товариство „Просвѣта“ в Ужгородѣ выпускає отсим своє друге выданя игры А. Духновича: „Добродѣтель превышаетъ богатство“, а од першоѣ появы тоѣ книжки в р. 1850 в Перемышли вже четверте выданя.

За нецѣлых два роки перший наклад товариства „Просвѣта“ розойшовся весь, бо наш народ з радостею взявся до працѣ, так что нынѣ майже не є села, де бы ту игру не представляли.

Дня 24. апрѣля того року будуть Русины святковати 120 роковины єго дня народженя и тов. „Просвѣта“ не хотѣло бы, абы наши новѣ читальнѣ тай другѣ просвѣтнѣ организацїѣ остали без тоѣ поучаючоѣ книжки.

Ктож быв Александер Духнович, котрого имя все з почестею у нас вымовляєся? Быв то чоловѣк, котрый в найважнѣйшôй добѣ нашого житя — т. є в половинѣ минулого столѣтя, коли нашому народови в 1848 р. засѣяло сонце свободы, старався дати народови то, чого ôн в тôй хвили потребовав. А потребовав ôн головно освѣты, книжки. Ту потребу зрозумѣв Александер Духнович, тодѣшнїй каноник в Пря-

шевѣ, и яв писати для народа книжки и то так для великих як и для малых, так для селян як и для интелигенцiѣ. Его книжочки для народа были слѣдуючи: „Книжница для начинающихъ", „Маленькая библія съ картинками", „Короткая землепись", „Молитвенникъ для русскихъ дѣтей", „Хлѣбъ души", „Добродѣтель превышаетъ богатство" — то все книжки котрыми хотѣв Александер Духнович пôднести душу простого Русина и привести его близше до свѣтла. На жаль роботу Духновича потôм нѣкто не умѣв продовжати за цѣлых майже 40 лѣт. Лиш в 1890-ых роках Евгенiй Фенцик порозумѣв вагу ширеня освѣты серед нашого залишеного народа и почав выдавати поучну новинку „Малый Листок". Послѣ того вже почали выходити „Наука", ведена довгѣ лѣта о. Августином Волошином, а дальше „Недѣля", ведена помершим сього року Михайлом Враблем.

В слѣды А. Духновича вступило тов. „Просвѣта" в Ужгородѣ, котра не лиш выдає книжки для народа и интелигенцiѣ, але организує читальнѣ и дбає за их розвиток.

Александер Духнович уродився дня 24. апрѣля 1803 р. из священичоѣ сѣмѣ в Тополи, жупы Земплин. Выучився на священника и цѣле своє житя посвятив працѣ для свого народа. Помер в Пряшевѣ дня 30. марта 1865 р.

Про его житя и значѣня выйде окрема книжочка.

П.

ОСОБЫ:

Многомавъ Федоръ, богатый мужикъ.
Олена, его жена.
Федорцьо, сихъ любезный сынокъ.
Лестобратъ, сусѣда и побратимъ.
Параска, его жена.
Андрѣй, } сихъ дѣти.
Марька,
Честноживъ, другій сусѣда, колесарь.
Иванко, } его дѣти.
Настя,
Мудроглавъ, учитель и дякъ.
Чмуль, жидъ корчмарь.
Богумила, вдовиця.
Антоньо, } еѣ дѣти.
Татька,
Незохабъ Юрко, ворожиля.
Храбростой, офіциръ военный.
Богобой, жебракъ.
Судій съ присяжными.

Больше вояцы, мужики и дѣити.

ДѢЙСТВІЕ І.

Корчма у Чмула.

ЯВЛЕНІЕ І.

(Многомавъ, Лестобратъ и Юрко сидятъ за столомъ. Чмуль шапочку въ руцѣ держитъ и стоитъ.)

Чмуль. Что розкажете мои люби Панове, ци паленку, ци вино, ци пиво; вшытко маю, завчеромъ емъ принѣсъ ганискому изъ Дуклѣ, вино изъ самого Токаю, а пиво изъ Шебеша, такое якъ золото; розкакажете и закусити?

Многомавъ. Вшытко дай жиде, годенъ я заплатити и за вшытку твою худобу!

Чмуль. (Иде до коморы смѣючися). Мою худобу... ай вай, и цѣлое село вы бы выплатили! О вы панъ, кто бы ся съ вами мѣрявъ? (иде и доразъ прибѣгне съ шклянками и наливае). Видите, якъ золото, то правдива оковита, то я лемъ для васъ держу пане Федоре, ани за дукатъ бымъ другому не давъ. Дай Боже вамъ на здоровля!

Многомавъ. Пій сусѣдко, няй люди гварятъ здорови, што им ся любитъ, мы пили и будеме, лемъ дай Боже здоровля... пійме, покля жіеме, годенъ Федоръ заплатити!

Лестобратъ (облизуеся). Ой годенъ тай годенъ. Другого Федора уже на свѣтѣ нѣтъ больше. Многомава знаютъ и въ Мараморошѣ, по Эрделю и по Оперенціи; хоть где обернеся чоловѣкъ, всягдыся за Федора просятъ, Федорова слава цѣлого свѣта, Федорови и панове чести даютъ, и село за его розумомъ иде. Лемъ дай вамъ Боже здоровля, гроши вамъ не минутъ, хоть бысьте ихъ съ ложковъ ѣли, ихъ не скельтуете!

Чмуль. То иста правда... Але Юрко штось смутный, не пье... што ся журите?

Лестобратъ. А што ты за бѣда, ты веселымъ бывавъ, а теперь сидишь, ги сова?

Незохабъ. Што бы ми было, мало роздумую, якъ бы дашто заробити; — ай уже добрѣ! (Мургне на Чмуля).

Многомавъ. (Уже мало напитый спѣвае). Ла, ла, ла! Братя минѣ уже ту уныло, идѣмъ до Мошка, а чей тамъ ся розвеселиме; подь Василю, а ты Чмулю запишь!

Чмуль. Добрѣ пане Федоре, еще не много маете, хсдьте здорови съ Богомъ, а прошу прійдите къ вечеру. (Федоръ и Василь отходять. Чмуль Юркови до уха шепче).

Незохабъ (тихо). Добрѣ, добрѣ Чмулю, лемъ ты ждай в повночи на загородѣ, приведу я ти и десять. кедь хочешь... але ещесь не заплативъ за яловку; ци чувъ есь, якъ Богумила ходитъ нарѣкаючи?... Ой можешь ты небого уже глядати; что разъ до Чмульовыхъ рукъ впаде, то больше не згине.

Чмуль. Но лемъ мудро Юрку, не забавляйтеся, бо ночь коротка, абы сте въ повночи ужъ ту были, рѣзникъ доразъ прійде! (Незохабъ отходитъ).

Чмуль. (Самъ, пише съ крейтовъ по столѣ и рахуе). Ферцигъ, ахтъ ундъ ферцигъ, гиндертъ... Яловку рѣзникъ отпровадивъ, конѣ уже за Беськѣдомъ, доразъ ту Гершко по други... но тоты уже готовы; Федоръ напьеся, а конѣ фуръ за Бесьхидъ. (Отходитъ).

ПЕРЕМѢНА.

(Домъ Федоровъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Федоръ, Олена, Федорцьо.

Федоръ (иде напитый). Такъ не дамъ! хоть го доразъ чортъ возьме... Жено свѣти, посмотрю мою маетность! (Олена запалитъ каганецъ, Федоръ отворитъ ладу, выберать мѣшки еденъ за другимъ, и пугиляръ великій). Ту суть тысящъ, ту два тысящи золотыхъ, сами талляры, ту пять сто, а ту тысящъ пять сто, сами двадцятники, а на контрактахъ три тысящи... Ой ци я не Федоръ, ци я не богачъ? а хто ми розкаже ге? я не боюся никого; видишь Сыне, то вшытко твое, не треба тобѣ школы, твоя мудрость адде! (указуе на мѣшки). Маешь ты дукаты, талляры, рубли, дватцятники, што ти душа забагне, лемъ дай ти Боже здоровля, а вырости скоро, я тебе уженю, панѣчку возьмешь, а я ти куплю село, будешь ты паномъ прото, а жебрачина все остане жебрачиновъ, хоть и сто разъ Ярмолой переучитъ.

Олена. Такъ любый Федореньку такъ; о якъ емъ ся розсердила, што и теперь трясуся; — недавно ту бывъ учитель. Панотецъ го посылавъ, и такъ брехавъ, чомъ Федорцьо до школы не иде?... Ой такъ, абы го тамъ били; ...ой на моюй дѣтинѣ не будеся такій свѣтовый збытковати; ...и вчера тя били, ци такъ сынонько? (цѣлуе Федорця).

Федорцьо (плаче). Ой Мамко, кедь бы вы знали, якъ мене болитъ, што и вчера учитель почубривъ мня, а колѣна ажъ ми попухли отъ клячаня... О Мамко, я уже не пойду до школы. Мае Нянько дукаты, чому бы я ся учивъ, ци такъ мамко?

Олена. О Боже мой! укажь лемъ сыне колѣнка!... (смотритъ). О ноженьки мои, ажъ попухли! (цѣлуе Федор-

цьовы ноги). Федоре фе... позирай лемъ позирай, якъ твою дѣтину скалѣчили, ци видишь ты! О Господи, небожаточко якъ плаче; ... ой я про дурну школу не дамъ убити свою дѣтину, о! на моюмъ Федорцѣ небудеся свѣтовый учитель збытковати; ... Федорцю, ти ми больше до школы не пойдешь!

Многомавъ. Такъ е, не пойде; ... а кедь тотъ смѣтникъ учитель лемъ дашто ти повѣсть, то я ему укажу дорогу,... пустыня, ани человѣкъ не знае, вотки пришовъ, оборванецъ еденъ, а теперь на нашихъ дѣточкахъ будеся мстити... Федорцю, ты до школы непойдешь, бо тобѣ школы не треба; я не ходивъ до школы, и прото я Панъ, моя школа адде! (указуе на мѣшки).

Олена. О любый мой Федореньку, ажъ теперь я тебе люблю, подь поцѣлую тя! (цѣлуе го). Но Федорцю, уже все будеме въ едно, научу я тя молитися, и Отче нашъ, и Богородице, а вѣрую хоть и небудешь знати, та ничь, и Наньо ти не знае, а прото онъ Панъ, прото и ты будешь дукати личити, а няй пукне зъ ѣду тотъ голодный Професоръ.

Фееорцьо. Я лемъ съ вами буду Мамко, где вы, и я тамъ пойду, уже ми свободно буде и до корчмы съ вами ити в недѣлю; няй тамъ учитель чинитъ, што хоче, бо знаете Мамко, же и генто клячавъ емъ, жемъ съ вами въ корчмѣ бывъ, коли такъ красно гули;... тямите Мамко?

ЯВЛЕНІЕ III.

(Прежніи, Богумила и Татька съ завязанымъ окомъ)

Богумила (плачучи). Слава Іисусу Христу .., дай Боже вамъ добрый день, пане Многомаве!

Олена. Дай Боже и тобѣ, а што ты хочешь пустыньо?

Богумила. Перебачьте панѣ сусѣдко, але я пожаловатися пришла; видите вашъ Федорцьо моюй Татьцѣ камѣньомъ око выбивъ.

Олена. Добрѣ учинивъ, няй она пустыня къ Федорцьови не ровнится... Смотри лемъ жебрачина якась, няй она ся съ циганы играе, а не съ богатымъ Федоровымъ сыномъ... вонъ мы зъ обыстя, жебрачино!

Богумила. Ой Боже мой Боже, та уже богатому Федорцьови свободно надъ худобновъ сиротовъ збытковатися? о помилуйте, пожалуйте, теперь иду до мѣста: хоть лемъ на лѣки дайте ми дашто, бо може ми дитина ослѣпнути!

Олена. Та няй ти ослѣпне, и такъ лемъ жебрачка изъ неи буде, така якъ ты, а мой Федорцьо ей ничь не учинивъ, ци такъ Федорцю?

Федорцьо. Правда, же ничь, я еи и не видѣвъ, она собака лемъ бреше.

Татька. Та кто другій як ты? я ишла на воду и ледво воду начерпала, як ты все до воды камѣнья метавъ, молиламъ ти ся, абысь ми хоть начеряти давъ, але ты не слухавъ, и такъ зачавъ до мене шпуряти, же и еднымъ камѣньомъ око сь ми выбивъ.

Федорцьо. Брешешь собако, бо я тя и не видѣвъ, .: ци не так мамко?

Онена. Так сыне такъ. О знаю я твои гадки,... жебрачино, не маешь што жерти, та такимъ способомъ хочешь вылудити отъ мене, ой зъ того ничь не буде!... А чому ты не богата ге? бо ти ся робити не хоче, лемъ бысь на легко жила; ... знаю я тебе собако.

Богумила. Няй вамъ Господь заплатитъ и няй вамъ богатство нигда не оскудѣе!

Федоръ (пробудится отъ дремлѣ). Што то ту за крикъ въ моюмъ обыстю, а не идешь паскудо?

Богумила. Иду уже иду, няй васъ Богъ такъ помилуе, якъ вы мене пожаловалу! (Отхвдитъ съ дѣвчаткомъ, и Олена съ Федорцьомъ другими дверьми отходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Богобой и Федоръ.

Богобой. Слава Іисуса Христу, пожалуйте убогого калѣку! двадцять лѣтъ воякомъ бывъ, тепер на мадьярской войнѣ, подъ Доброчиномъ ногу утративъ, ужемъ не годенъ служити, не собѣ заробити фалаток хлѣба, пожалуйте во имя Божое!

Федоръ. А што ми до твоей ноги, гдесь стративъ, я ти не стравлю другу, иди до сусѣды, онъ колесарь, та ти справитъ таку, што нигда не буде болѣти!

Богобой. Не прошу я отъ васъ ноги, я радуюся, же про моего Царя, и про мой народъ загубивъ ем, вкаище и голову бымъ положивъ; ... но прошу отъ насъ кусокъ хлѣба, пожалуйте!

Федоръ. Про кого есь утрятивъ ногу, отъ того и жалованія проси, ты за мене не воевавъ!

Багобой. О глупое невѣжество невѣжевствъ, та за кого я воевавъ? ци не за васъ, и вашу худобу? скажите вы, завзятый человѣче, если Царю послужиме, не служиме ли и всѣмъ сожителямъ? о вы, якъ я вижу, не много понимаете, бо слухайте, если хто вамъ служитъ, не служитъ ли онъ и цѣлому домови вашому? вашъ слуга не есть ли и дѣтей вашихъ слуга? ... хто насъ отъ нещастя, отъ злодѣя, отъ бѣдъ защищаетъ, не защищаетъ ли онъ и сына вашого, супругу вашу, и все имѣніе ваше?... [*такъ каждый Царю послуживши, не служитъ ли и всѣмъ подданнымъ его? ... Бо што есть Царь? вы непонимаете, но я скажу вамъ: Царь есть Отецъ краины своеи, есть Отецъ своихъ подданныхъ, а мы всѣ дѣти его есьме, и вы синъ Царевъ, хоть есьте того и недостойни, ... або ничь то, то случится, же и найдостойнѣйшій человѣкъ злостливого сына получае. О вы недостойный Отечества и Народа нашого славного членъ! Не знаете ли вы то, же кедь ласкавый, и ми-

*) Отъ того слова, ажъ до конця бесѣды Богобоя належить ту часть вылишити при грѣ, бо старѣ часы вже минули, тай и царѣ теперь не е.

лостивый нашъ Царь войну утративъ, кедь врагъ побѣдитъ его, тогда весь нашъ славяньскій народъ сгине, рузидутся всѣ Русины, такъ якъ погибаютъ пчолы, погибшей матери? прекрасна бесѣда наша, и церковніи обряды счезнутъ; мы бы уже неназывалися Русинами, еслибы не побѣдили мы враговъ нашихъ; бо враги Царя были и наши враьи, а пріятели Царевы суть и намъ пріятели!]

Федоръ. А што ти до того, я не маю врага; у мене есть гроши, та я небоюся никого!

Богобой. Подякуйте Богу, же мы ту не допустили непріятеля, бо тогда не много былобы вамъ осталося! Но съ вами говорити, только значитъ, якъ съ конемъ ся молоти: ... вы затвердѣлого сердца глупый человѣкъ; видно, же вы въ школу не ходили, ничъ доброго есте ся не научили; я отъ васъ не прошу жалованія, маю я милостивого Отца, онъ мене жалуе, и буде; и прото узнайте, же минѣ моя куляга вдячнѣйша, якъ вамъ вашое богатство, што го дѣдко забере!

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніи, Олена съ Федорцьомъ.

Олена. (вбѣгне.) Федореньку, фе...! ой бѣда, ... коней нѣтъ, и сивулька пропала, .. кажутъ, же уже по повночи ихъ не было, Иванъ десь пойшовъ глядати; то на истѣ украли; ... бо то смутокъ уже, якъ ту крадутъ: ... вчера Богумилину яловку украли, ... ай няй бы ей тамъ крали съ Богомъ, ... але мою худобу; ой Федоре, радь дашто радь!

Федоръ. А хто бы смѣвъ мою худубу рушати, а ци не знае, же Федорово не свободно кинути? доразъ укаже Федоръ, что онъ може; цѣлое село буде платити.

Олена. То на истѣ колесарьова робота, бо онъ ся такъ ховатъ.

Федоръ. Та го повязати дамъ, иди ми по урядъ, няй ту доразъ прійдутъ, они повинни на розказъ Многомава прійти, бо кедь ся завозьму, та я укажу, што Федоръ годенъ.

Федорцьо. Наню, та и моегачатко пропало? о богдай того колесаря дѣдко моривъ: — прото онъ мене и вчора собачивъ, гваривъ, же изъ мене ничь не буде, же я на шибени умру... О няню бійте го, повяжте го, бо я уже и на улицю не годенъ передъ нимъ выйти!

Богобой (смотритъ на Федорця). А ци то ты сынонку? такъ правду говоривъ честный колесарь, бо на истѣ зъ тебе ничь доброго не буде; ци не тямишь, якъ ты скарѣдно брехавъ? О ты безстыдный черваче, такъ безстыдніи слова и между вояками скарѣдно слухати! Сыне! ты збыткуешься надъ людьми, тебе Вогъ не благословитъ, бо ты безчестный, и злочестивый, якъ Хамъ.

Федорцьо. Ой мамко, ци чуете того калѣку? — бійте го бійте!

Олена. А не мовчишь калѣко, ты будешь мою дѣтину псовати? О не буде онъ не отъ кого хлѣба просити, мае онъ достъ, иди до чорта, бо я ти доразъ съ кочерговъ укажу дорогу! Вонъ ми изъ обыстя! — А ты Федоре пильнуй, бо то лемъ колесарьова робота, и не другого.

Богобой. Иду, иду, и больше не перекрочу ваши пороги, бо тутъ мамона и грѣхъ перебывае, ту заклятое богатство! Боже вамъ заплать!

(Отходитъ).

Федоръ. Сынонньку, иди лемъ до Чмуля, а чей онъ дасть порады; то честный жидище, онъ мудрый, дашто буде радити! (Федорцьо отходитъ).

Олена. Ай Федоре, ци бы не было добрѣ пойти до Щербанувки, къ Юркови, ворожилеви, онъ каждому повѣсть правду, онъ знае на истѣ?

Федоръ. Мудро думаешь, а чей онъ ту буде, бо вчера емъ го у Чмуля видѣвъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прежніи, Чмуль, Незохабъ и Лестобратъ.

Чмуль. Дай Боже вамъ здоровля, што розкажете пане Федоре!

Федоръ. Витай Чмулю и ты Юрку. Ци слышали вы, што ся у мене стало сеи ночи; мои конѣ и яловку украли.

Чмуль. Неможна рѣчь! а хто бы посмѣливався пана Федора худобу рушати?. . то не може быти; лемъ заблудили дагде, та они прийдутъ; знаете, же шкапина псина иде; а ци пошовъ ихь дахто глядати?

Олена. Тадъ Иванъ десъ пропавъ за ними.

Чмуль. Можно, же онъ самъ на пашу ихъ вывювъ; не трудьтеся Федорку, — ай вай... пане Федоре, они сами прійдутъ!

Олеиа. Ой чортъ имъ прійде; Фенна гваритъ, же по повночи ишли до стайни обое съ Иваномъ, и стайня была заперта на ретязь, а коній не было ани яловки.

Незохабъ. (раздумуе, мормоче). То на истѣ онъ... я думаю; але дораз увидиме.

Олена. О Юреньку, змилуйтеся, пажалуйте, дайте рады, поворожьте лемъ дашто, вы на истѣ знаете, бо вы все знаете; порадьте, о порадьте!

Незохабъ. Дайте еденъ новый горнецъ, сито и ножички; я дотля принесу зѣля!

(Юрко едновъ, Олена друговъ стороновъ отходитъ).

Чмуль. Багма Боже онъ знае де суть... онъ знае; а чей и повѣсть; уже и Богумилѣ повѣвъ! знаете, же то человѣкъ божій, то на истѣ пророкъ.

(Олена на едну страну иде, несе горнецъ сито, ножницы, а Юрко на другу, мормоче, голововъ meчe, бурянъ несе въ рукахъ).

Незохабъ. Дайте горнецъ! (бере и бурянъ скубае, мече до горчка). Чистой воды изъ потока дайте! (бере отъ Олены воду, и лье до горнця), Но понесите идъ огневи, няй кипитъ! (Олена бере горнецъ, и несе). И соли дайте до горця, кедь маете свяченои, и свяченои воды долійте!

Олена. (идучи). Добрѣ, добрѣ.

Незохабъ. А вы Федоре держите сито! Федоръ держитъ сито, Юрко вяже мотузками и все мормоче, привязуе ножицы на сито). Но зажмурьте очи, и ты Чмулю! мекеке, мекеке; квичитъ: кви, кви, кви; ерже ги конь; ги, ги, ги; бечитъ ги яловка: бе, бе бе; — мечеся, скаче, руками плескае, и наразъ скричитъ:) Там е ~~Унгваръ~~ ~~Доброчинъ~~! та на истѣ понесли ихъ идъ ~~Унгвару~~, а ~~отъ тамъ до Доброчина~~; — теперь ихъ поитъ на ~~рѣцѣ~~, два чорнѣ конѣ, еденъ конь, друга кобыла, чорни якъ галки, багаріовы узды на нихъ, молоденьки по три зубы, шесть сто золотыхъ стоятъ...; тамъ суть, тамъ суть!

Федоръ (отворитъ очи). Хвала Богу; такъ е, чорни по три зубы, узды багаріовы: то правда, — о я вижу Юрку, же ты чорта маешь.

Чмуль. Я вамъ гваривъ, же он вшитко знае; ой то пророкъ.

Федоръ. То Антихристъ! Та уже ту суть Юрку?

Незохавъ. Тамъ ихъ поитъ на ~~рѣцѣ~~, теперь лемъ за нима идъ ~~Унгвару~~!

(Олена несе горнецъ).

Незохавъ. Ци уже скипѣло?

Олена. Уже.

Незохавъ. Но вылійте на помостъ, где стояли, а порохъ намастьте чеснокомъ свяченымъ, абы босорка не урекла; — бо ту суть босорканѣ!

Олена. Ой суть, и тота собака Богумила велика босорка; хвала Богу, же ей яловку украли, дивьтеся добри люде, кедь она едну Тарчуню мае а масло все до мѣста носитъ; я отъ четырехъ рогатыхъ коровъ не маю

только, якъ она отъ еднои. Я чудовалася, что она раненько, уже на зоряхъ ходитъ по хащи, все зберае якогось дѣдка, и дѣтища ей волочастя по дебрѣ; — ани не пуститъ свою тарчуню на пашу, лемъ въ стайнѣ ю держитъ, ой она то, собака, моимъ коровамъ молоко отберае. (Иде съ горнцемъ).

Чмуль. Але не тото, не тото, но думай лемъ, хто ихъ укравъ!

Незохабъ. Чудо, дивьтеся люде, колесо ся указуе, и близъ стае; ага!

Федоръ. Такъ е, то пустынникъ колесарь; а хто бы другій? Но пессій сыне! ждай теперь, я вижу, чому онъ такъ по цѣлой ночи стриже, а лопотитъ ги чортъ, пропавъ бы, и спати не можъ передъ нимъ.

Чмуль. На истѣ онъ, видите и Юркови колесо ся указало. О то незлюдный человѣкъ, колько разъ я его кличу до себе, не хоче прійти; онъ еще на моемъ обыстю не бывъ; съ честными людьми не сходится, лемъ мудруе, якъ-бы кони красти; ой онъ то и мою худобу покравъ.

Незохабъ. Ани се сумнѣвайтеся, видите и теперь его дома не е, а вчера вечерь еще бывъ, правѣ въ повночи отъишовъ; онъ пѣше не любитъ ходити, не дармо Гусарьомъ бывъ, любится на кони носити, и мсясо ѣсти изъ яловокъ!

Федоръ. Ай бо на моихъ татошахъ не буде ся носити; — позерай лемъ Олено, ци дома е! (Олена отходитъ, Федоръ Юркови дае гроши). Ту маешъ Юрку, ти правду казавъ, уже я вынайду свое, поставитъ ихъ колесарь хоть съ под чорнои землѣ.

Чмуль и Юрко. (отходатъ). Но будьте здорови пане федоре, а не журьтеся, они ся найдутъ, лемъ идъ Доброчину ся майте, на Беськѣдъ ани не думайте; — вечеромъ васъ запрошаю до себе!

(Отходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Прежніи Олена и Лестобратъ.

Олена. На истѣ Федореньку, колесарь злодѣй, там ани живого духа не е, позамыкано все на ретязи и колодки, ой онъ то отпровадивъ мои коники: (плаче) ой, ой, ой смутокъ бы на тя сѣвъ, смутокъ, горька бы ти доля, тай горька!

Лестобратъ. Та хто бы другій?... цѣлои ночи не спитъ, лемъ ходитъ якъ грѣшна душа, позоръ дае якъ сова, товче съ топоромъ, што честни люде спати не могутъ; а то прото, абы обманивъ людей; и то не лемъ самъ, но и дѣти его, якъ молоди ястрябаки волочатся коли свѣтъ, а по ночи збиваютъ; та вотки бы бывъ такъ збогатѣвъ, а чей лемъ му дѣтко не наноситъ, ани хованца не мае?

Федоръ. Такъ е брате Василю, честный человѣкъ въ ночи спочивае.

Лестобратъ. А въ день съ честными людьми розговорится; а тоту бѣду нигде не видно: — а все его мара лемъ идъ Панотцови несе, чудуюся на Панотцови, што съ таковъ бѣдовъ забавляеся, а чей го Псалтырю учитъ.

Федоръ. Ба дивится,... бо онъ знае ся прилизовати панотцови, на службу несе; а чому панотецъ къ мнѣ не приходитъ? бо я не дурень му на службу давати; а я не колесарь, и съ собовъ не дамъ такъ росказовати; бо я знаю, што и хто я.

Олена. Бо панотецъ и съ моимъ Федорцьомъ такъ хотѣвъ бы ся забавляти, якъ съ колесарьовыми дѣтьми, еще и тои собаки Богумилы дѣти позбирае, а такъ ся съ ними провожуе; ой съ моимъ Федорцьомъ не буде!

Лестобратъ. Пане Федоре! Василя дома не е, тои ночи где ся пропавъ, тогды, коли и конѣ; — но лемъ вы его дайте повязати, прутовати, напійме на

него бочку паленки; и дотля пiйме, докля ся не признае; а хоть ся признае, хоть нѣтъ, мае худобу, што накравъ, назбивав, та дайте пошацовати и заплатьте собѣ, а за коньми ани не трудьтеся!

Федоръ. Правду гваришь, ты мудрый Василь, дякъ бы зъ тебе бывъ, кедь бесь читати знавъ.

Олена. Але и тота безчестна Богумила съ нимъ розумѣеся; о думаете, же они не познаваются; — а чому колесарь не женится, а чому колесарьовы и Богумилины дѣти все въ едно волочатся? Уже честного человѣка дѣти не могутся передъ ними обстояти; лемъ подумайте собѣ, мой Федорцьо ани указати ся не може передъ ними! Ой не глупа я, знаютъ то люде, лемъ панъ отецъ слѣпый, же не видитъ еи нравы. Но Федореньку до колоды съ ними, няй ся тамъ въ едно полюблятъ; ой кедь бы еще и того премудрого Соломона Професора можъ къ нимъ придати, тогды бы я рада была!

Лестобратъ. Ай не того, нѣтъ; — ай пане Федоре, идѣмъ право положити, подьме до судiи (рихтаря), чиньме порядки!

Федоръ. Ай ци буде дома теперь?

Лестобратъ. Онъ на истѣ або у Чмуля, або у Мошка, лемъ такъ просто идѣмъ, вынайдеме мы его; и честна громада тамъ, та где бы была?

Федоръ. Иду, иду: — но на передъ замочьмеся! (Вынесе корчагу, пье и Васильови дае, а Василь долго тягне изъ корчаги).

Федоръ. Ой куме Василю, ты такъ пьешь ги дуга; но лемъ пiй, е у Федора достъ!

Лестобратъ. И буде ажъ во вѣки вѣковъ, аминь.

(Отходятъ).

Олена (сама). О засвѣчу я тобѣ цѣфрованко, ажъ заслѣпнешь, — собако една, съ своими щенятами — будешь ты памятати Олену; укажу я тобѣ, ци мой Федорцьо шибенякъ; буде тобѣ горькiй шибенякъ, и твому любому колесарьови; — ой укажу я тобѣ!...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Олена, Мудроглавъ, Иванко, Настья, Антоній, Татька, на послѣд Федорцьо.

Мудроглавъ веде за руку Настю и Татьку, Настя съ зав'язановъ голововъ а Татька храмле.

Мудроглавъ. Слава Господу! честна Олена! адде съ нову нещастья, Федорцьо уже такъ розвывся, же дѣти уже передъ нимъ не обстояться; и кедь то такъ дале буде, та панотецъ повиненъ буде у Пана Комисаря скаргу чинити; ци видите: едно дѣвча кров зальяла, другое храмле, а тыхъ добрыхъ, и честныхъ хлопчиковъ побивъ, камѣнями наметавъ; — хто ему такъ много сваволѣ вытерпитъ? прото панотецъ еще разъ напоминае васъ, абысте на Федорця позоръ дали и его до школы посылали; бо инымъ способомъ и вы безчестнѣ останете, и зъ Федорця збойникъ буде!

Олена. А што папотцеви, што тобѣ до мого хлопця? мой хлопецъ не притиснеся ани на панотця, ани на тебе свѣтового; — той хлопецъ больше сыра ѣсть, якъ ты хлѣба! — (руки на клубы зложитъ) Позирай ты себе и свои дѣти, мому Федорцьови твоей школы не треба, бо его школа адде! (указуе на ладу). А тоты пустынѣ, што ту ходять (указуе на дѣти) злодѣйски дѣти, лемъ крадучи ходятъ, так есте ихъ выучили, (глумится), ой, краснѣ дѣточки, доразъ и вамъ укажу вашу честь! — А вы дитку заступляете таку ледачину? ой такъ, якъ бы я не знала, же и вы суваетеся къ собацѣ Богумилѣ, и прото тыхъ черваковъ такъ заступляете а мого Федорця утопити бы сте хотѣли? — Я съ вами не маю ничъ, идьте собѣ до дѣдка, мою дѣтину не рушайте, бо васъ доразъ съ кипяткомъ обпарю!

Федорцьо. (На окно). Такъ мамко такъ, бійте ихъ бійте!

Олена. Подь рыбонько моя удну, подь премиленый мой соколику, мой солоѣйку любый, не бойся! — А вы вонъ изъ мого обыстя!

Мудроглавъ. Дай Боже, абы изъ соколика сова, а изъ соловѣйка ворона не сталася! — Честна Олено, розпамятайтеся, што чините; не въ богатствѣ щастя залежитъ, але въ богобойной, честной жизни; — ци не слышали вы проповѣдь Панотцеву, якъ ясно говоривъ изъ книги Іова: „*Аще соберетъ богатый якоже землю сребро, и якоже бреніе уготовитъ злато; сія вся праведніи одержатъ, имѣнія же его истинніи возьмутъ, будетъ же домъ его яко моліе, и яко паучина, яже снабдѣ?*“ О вы не хвальтеся съ богатствомъ, бо оно крыла мае и легко полетитъ, якъ вашъ соколикъ и соловѣй; але сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ! . . . Оленко памятайте, же земля есте, и въ землю возвратитеся, и ничъ не возьмете, якъ чотыри дощки, а яже уготовали есте, кому будутъ?!

Олена. Федорцьови! — а пакъ што тобѣ до того, бо доразъ пойдешь, вотки и пришовъ есь?!

Мудроглавъ. А хоть где пойду, всягды съ Богомъ пойду, и Господь ми буде помагати; но вы, вы вы обернитеся уже къ Богу, не утѣсняйте сироты и вдовицы, бо то грѣхъ до неба вопіющій! — ци вы думали о Евангельскомъ богачови, ци слышали есте даколи, же: *Блаженни нищіи духомъ, яко тіи Бога узрятъ?* Раздумайте, што Богъ рекъ богачови: *безумине, днесь душу твою истяжутъ отъ тебе . . .* слухайте еще дале!

Олена. Я не хочу васъ слухати, я васъ не просила за казателя, повѣжьте и Панотцови, няй ся онъ до моихъ рѣчей не мѣшае, бо я знаю што чиню; я му до церкви не пойду, ани сповѣдатися ему не буду, знаю я, где монастырь!

Мудроглавъ. Нѣтъ! — слухайте еще!

Олена. (розсердится). Кажу ти смѣтнику свѣтовый, я отъ тебе не хочуся учити, иди вонъ! (возьме кочергу, а Федорцьо прибѣгне, и возьме мѣтлу, Олена Мудроглава, а Федорцьо дѣтей бье, и жене вонъ и кричитъ): Вонъ, вонъ, злодѣю, съ твоими копылятами, вонъ! (Мудроглавъ и дѣти утѣкаютъ, мѣшаются, и плахта упадае).

(Конецъ 1. дѣйствію).

ДѢЙСТВІЕ II.

Домъ Судный.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Судія (рихтарь) съ присяжними за столомъ сидитъ, всѣ съ покрытыми главами, и Федоръ между нами, Чмуль, Незохабъ, Олена, и больше мужескихъ и женскихъ особъ безпокрытими главами стоятъ на странѣ а служитель (гайдукъ) при дверяхъ стоитъ еъ полицевъ).

Судія къ Гайдукови. Иди до Чмуля, а принеси на колесаря десять, а на Богумилу пять галбъ! (Гайдукъ отходитъ).

Судія. Доразъ увидимę, якъ то мае быти; то уже стидъ, што ту дѣеся, каждый день новое злодѣйство; — ани не знае, де ми голова; — сеи ночи пану Федорови конѣ и яловку украли, а Чмульови колеса кованѣ.

Чмуль. И бочку паленки, платья, и еденъ або два, а можно и три сусѣки зерна, пшеницѣ, и Богъ знае што; ай вай!

Судія. Изъ дзвона мотузъ; и Богъ знае што: — ту уже сами разбойники, то еще у нась не было чувати; доразъ дойдеме мы тому конца. (Гайдукъ несе корчагу велику и двѣ стклянки, положитъ на столѣ, и еденъ стаканъ (погаръ). Но братья замочьтеся и такъ съ Богомъ до роботы! (пьютъ всѣ и здоровкаютъ до себе). Честна громадо! у насъ

зле дѣеся, ту злодѣи сутъ — адде пану Федорови сеи ночи конѣ и яловку украли. Чмуль аже изъ села повиненъ отъити, только шкоды терпитъ, то не красна робота; у насъ того нигда не бывало, бо ани дѣдове наши не памятаютъ, абы туда коли крадежь ставалася была; Русины все въ той рѣчи найчестнѣйшіи люде были, цѣла худоба могда смѣло на дворѣ ночовати, не было у Русиновъ колодки, и ретязи лемъ про добрый рядъ запералися; — а теперь годѣ порадити; — о зле уже на свѣтѣ!

Присяжніи. Такъ е.

Судія. Теперь повинность наша злодѣя вызнати, и такъ покарайме его прикладно, або выженьме его изъ села, та знову такъ безпечно будеме жити, якъ наши предкове жили.

Присяжніи. Такъ е.

Судія. Но добріи люде, ци знаете, хто злодѣй у насъ? розсудьте лемъ мудро: — Честноживъ Василь, — мы его за честного человѣка держали, — въ подозрѣню е, адде повѣдятъ честніи свѣдкове.

Чмуль. Честнѣ Панове! то иста правда же ту злодѣй колесарь, а не иншій; знаете, же онъ цѣлу ночь не спитъ, у него все свѣтится по цѣлыхъ ночахъ, онъ не такъ жіе, якъ други честнѣ люде, его въ корчмѣ никто не видитъ, онъ не сходится съ честными людьми, лемъ мудруе, якъ бы сбогатѣти: видите, яки волы мае, яку худобу, его поле найбогатшое, не по близь ярмарку, абы онъ на немъ не бывъ, бо онъ тамъ своихъ товаришовъ мае, онъ съ мадярами сгваряеся; гваритъ, же колеса имъ продае, ай то лемъ слѣпота, заслѣпляе людей, айбо онъ не прото по ярмаркахъ ходитъ; ай то ся знае.

Присяжніи. Такъ е истинно.

Чмуль. Пану Федорови конѣ пропали, и яловка сеи ночи, якъ гварятъ въ повночи, я не знаю коли, бо я ихъ не видѣвъ, но достъ того, же колесарь въ вечеръ дома бывъ, а въ ночи счезъ, и рано го не было уже

дома, то едно; другое, же онъ такого честного сусѣда мае, што его цѣлый свѣтъ честуе, на Федора указуе), а онъ не сходится съ нимъ, бо му богатства завидитъ, якое му Богъ давъ, а съ честнов Оленовъ все вадится, а дѣтину ихъ честну все наказуе, якъ даякій професоръ; словомъ он самъ свой человѣкъ, съ никимъ ле товаришитъ.

Олена. Лемъ съ Богумиловъ!

Чмуль. Такъ е, надерается съ людьми, знаете, колькоразъ мои гуси, пульки, качки загнали; а кедь бы бывъ емъ не утямивъ, та бы бывъ ихъ порѣзавъ; — и такъ достъ моей працы наѣвся; — а што му учинили мои гуси, и пульки? ай онъ на истѣ злодѣй.

Присяжніи. Такъ е.

Чмуль. Але указалася правда, гвоздъ въ мѣху не можъ затаити; честный и мудрый Юрко проуказавъ му правду: бо колесо ся указало на ситѣ; ци такъ Юрку?

Юрко. Такъ е.

Олена. Айбо и тота собака Богумила съ нимъ розумѣеся, она пустыня такъ жіе, якъ даяка панѣ, дѣти ей убранѣ якъ паньчата, а непрестанно лемъ по подъ людски плоты ходитъ, съ колесаромъ договаряеся, и дѣти ихъ все въ едно суть, уже честного чоловѣка дѣтина и на улицю указатися не годна передъ ними; вѣдь то знаете.

Присяжніи. Такъ е.

Лестобратъ. Але што ту другое и думати, ани не усумнѣвайтеся, бо то колесарьова робота, я му сусѣда, та знаю, якъ жіе!

Олена. Съ Богумиловъ!

Судія. Но слышали есте честніи люде? я думаю, и присягъ бымъ, же то колесарьова робота.

Олена. А я сѣмъ разъ присягну, же и Богумила съ нимъ; — — ой собако една!

Присяжніи. Такъ е.

Судія. Но приведите ихъ сюда!

Чмуль. Панове прошу ласки! и мои шкоды пошануйте: два ковани колеса 20 золотыхъ, бочка паленки 50 золотыхъ, зерна 12 кобловъ 120 золотыхъ, то учинитъ — 325 золотыхъ срѣберныхъ!

Присяжніи. Такъ е.

Судія. Но замочмеся братья, и подьме шановати!
(Пьютъ всѣ и потомъ отходятъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

(*Честноживъ, и Богумила на мотузѣ повязаны приведутся; Гайдукъ несе колоду, и за ноги ихъ до колоды посадитъ.*)

Честноживъ. (въ колодѣ). О Господи, што дѣеся на свѣтѣ, злость, лжа, и ненависть перевышила уже свѣтлую добродѣтель! о вы безбожніи, чому мучите насъ невинныхъ, прошто вяжете? што мы злого учинили? — О нещастна участь такъ то свѣтъ платитъ, въ немъ безбожніи, неправедніи, обманщики, окламники, злодѣи и лестники весело жіютъ, они владѣютъ, а убогій, честный, усиловный человѣкъ, терпитъ — о на истѣ земля злыхъ мати, а невинныхъ честныхъ мачоха! Но не журюся тымъ, бо совѣсть моя чиста, и непорочна — бо живъ мой Сотворитель, мой Богъ, онъ видитъ невинность мою онъ еденъ годенъ избавити мя, якъ избавивъ Іону отъ кита, якъ избавивъ Петра и Павла Апостоловъ отъ узъ грѣшничихъ, якъ избавивъ Даніила Пророка отъ грозныхъ, и свирѣпыхъ львовъ. якъ избавивъ богобойныхъ младенцевъ отъ пещи огненныя. Не журися и ты честна сусѣдко, Господь избавитъ и насъ, потѣшитъ насъ; можно, же Богъ искушаетъ насъ, можно же про наши, или родителей нашихъ грѣхи терпиме; но хоть якъ то, если Господь допустилъ на насъ сія, онъ насъ и

~~пожалуе, онъ~~ помилуе насъ, якъ помиловалъ праведного Іова, наша надежда у Господа; онъ еще помилуе нашу невинность, а злочестивыхъ накаже; Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой, кого убоюся?

Богумила. Та што дѣлати, якъ на Господа надѣятися? знаю, же онъ мене невинну не оставитъ. — Но дѣточки, мои, дѣточки, хто ихъ пожалуе?

ЯВЛЕНІЕ III.

(Судія, Присяжніи и всѣ первого явленія особы навернутся и голосно смѣются).

Судія. Научу я васъ злодѣи; — знай теперь Василю, же уже конѣ Федоровы выплатилися, честна громада по совѣсти отсудила, и уже судъ скончився. Твои волы и корова и Богумилина Тарчуня отдалися пану Федорови за конѣ, а честному Чмулеви за шкоды далася твоя корова, и сусѣкъ съ зерномъ, и Богумилина телиця; а то лемъ такъ милосердно судилося, бо по правдѣ цѣла ваша худоба малася забрати; подякуйте пану Федорови и честному Чмулеви, же на васъ милосердіе мали, теперь еще за судъ заплатите 5 золотыхъ и 50 галбъ паленки, и абы изъ васъ люде прикладъ брали, та на каждой улицѣ достанете по шесть палицъ; — знаете?

Присяжніи. Такъ е.

Чмуль. Честна громада, я прошу, пожалуйте ихъ, даруйте имъ палицѣ; мы обойдемеся уже съ вашимъ праведнымъ судомъ!

Олена. Ой нѣтъ, той собацѣ Богумилѣ дайте хоть лемъ 12 корбачовъ, абы тямила, якъ треба моимъ коровамъ молоко отберати!

Честноживъ. Люде! знайте, што Богъ на небѣ, памятайте на Бога, и судьте по правдѣ, абы и васъ такъ Богъ судивъ; я невинный чоловѣкъ, но знаю, же и честна Богумила невинна, смотрите на душу, люде, кайтеся, бо Господь не стерпитъ безбожность вашу!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мудроглавъ и прежніи.

Мудроглавъ. Дай Боже вамъ здоровья честна громадо! — (Не смотрятъ на него). На передъ вопрошаю васъ: есте ли вы люде, или звѣрѣ, есте ли вы христіане, или погане! — О на истѣ вы честного, богобойного и православного народа славянского члены быти не можете; — бо славянскій народъ богобойный, а вы Бога и не внимаете; народъ той е справедливый, а вы судите неправедно, и за тоту паскуду, дѣдкову юху, и душу продасте: уже пересмердѣлисьтеся паленнисковъ! — Скажите, што вамъ начинивъ богобойный и роботный человѣкъ Честноживъ Василь, што порядна Богумила? чему ихъ такъ катуете?

Судія. А што вамъ Дяче до того? мы судиме справедливо, а кедь хочете знати, та вашъ честный Василь злодѣй, а Богумила съ нимъ держитъ.

Олена. И босорка е, отъ моихъ коровъ молоко отъяла.

Мудроглавъ. Василь злодѣй? — О вы окаянніи люде! та ци е между вами, ци е въ селѣ Василеви подобный честный человѣкъ?

Судія. Такъ е, не е такого другого, бо ту никто конѣ не краде, лемъ Василь.

Олена. Съ Богумиловъ.

Судія. Такъ е, съ Богумиловъ; — а чому же такъ сбогатѣли?

Присяжніи. Такъ е, то истинна правда.

Мудроглавъ. Такъ е истинна правда; — о вы сойки, вы пяницы огавніи! — Василь и Богумила хоть и небогатіи, но съ помочи Божой вшитко маютъ, што имъ потробное; — а вы всѣ схудобнѣли; а то уже иста правда; — але што тому за причина? но слышите, я вамъ повѣмъ: бо Василь съ Богумиловъ неперестанутъ

робити, усилуются, працуютъ не ходятъ по корчмахъ, непяницы суть, якъ вы; — а вы уже пропали со всѣмъ, бо худобу вашу асесь чортъ (на Чмуля указуе) забравъ!

Чмуль (сердитымъ голосомъ). Хто! — я? не злодѣй, мене честна громада познае, най повѣстъ, ци я забравъ, простеся и мудрого Юрка, а вы дяче идьте до чорта, хто васъ ту звавъ? бо я на васъ право положу, за мою честь!

Мудроглавъ. (не смотритъ на жида). Вы всѣ пяницы; уже 'сте всю худобу попропивали, бо изъ смердячои корчмы ани не выходите, упиваетеся день — днемъ, въ ночи коргелюете, а въ день лежите; — стыдъ, ганьба, уже и одежи доброй не маете на грѣшномъ тѣлѣ, босы ходите, якъ псы, поле вамъ пустое, а воловъ уже и десять не е въ цѣломъ селѣ; — кедь чужій человѣкъ заблудить, ту ,думае, же циганьское село.

Судія. Та мы цигане?

Мудроглавъ. Працуете по циганьки и маете по циганьки, бо яка праца, така плаца; — дань уже два роки неплачена, Панотцева роковина задержана, моя платня пропала, уже едного честного дома не е, будинки вамъ на громаду летятъ, церковь днесь-завтра упаде, дѣти вамъ голы, а вы цундрами трясете, голодомъ моритеся: лемъ проклятый жидище тые якъ веперь!

Чмуль. А вы дяче мовчьте, — хто васъ за Прекуратора поставивъ? — видите, панове господари, якъ ми чести урывае; — а незнаете 'го изъ села выгнати? не знаете, же онъ вашъ слуга? а такъ вамъ смѣе казати — а вы не знаете, што му треба?

Судія. Отъ завтра глядайте собѣ мѣсто Дяче;— мы такого мудерця не хочеме; и панотецъ може съ вами ити, де хоче, — наша церковъ, наши дѣдове ю справили, найдеме мы собѣ Попа а Дяка!

Мудроглавъ. И Панотецъ, и я пойдеме, коли хочеме; и на истѣ, кедь вы непоправитеся, кедь того окламника, здирьцю и душъ вашихъ пекельника, Чмуля

и Мошка, што васъ пекельновъ юховъ напавае, не лишите: та на истѣ отъидеме; бъ съ вами уже порадити не можъ; але знайте, же и вы выпустѣете, якъ Содома и Гомора, бо Господь долго терпитъ, але разъ прійде часъ коли уже каятися не скоро буде!

Федоръ. О пустыннику, не идешь, я тобѣ укажу, што Федоръ годенъ; не знаете 'го тамъ идъ Васильови положити?

Мудроглавъ. Радше буду съ Васильомъ у колодѣ, якъ съ вами у палатѣхъ; бо лѣпша е честному человѣку темниця, якъ безбожному свѣтлиця; бо Василь честный, богобойный человѣкъ, а вы ботатый Федоре — — пяниця! — Федоре! богатсво минеся, а честь николи: честь, и добродѣтель есть безсмертна. Вы сердитеся на честного Василя, то е естественна причина; бо каждый человѣкъ лемъ собѣ ровного любитъ: такъ пяниця пяницю, злодѣй злодѣя, а честного человѣка убѣгае, якъ бы стыдався отъ него. Такъ Василь въ цѣломъ селѣ подобного собѣ не мае; бо посмотрьте его будинки, и всю худобу, все въ рядѣ находится, обыстя его изъ тесаного дерева усиловно справлено, жупою грубо закрытое, пелевня и стайнѣ въ рядѣ стоятъ, и лѣпше, порядньйше приспособленни, якъ ваши обыстя; стадо его тучное, поле его такъ якъ загорода обробленное, — пчолы лемъ у него самого суть, онъ за самый воскъ и медъ по сто золотыхъ достане каждого року, у него возы кованы и все потребное находится, онъ не долженъ никому, порцію выплатитъ честно, и грошеньки мае за достъ. — А вы, о пяницы! — што у васъ? обыстя вамъ спадали, не штобы стада, но и пса не маете, поле жиды сѣютъ, голодомъ моритеся, — дѣти вамъ не учатся, словомъ вы всѣ уже жебрацы, бо паленка вамъ не допуститъ дашто мати; паленка такій дѣдко, што отганяе счастье отъ дому, отъ неи утѣкае имѣніе, якъ чортъ отъ священнои воды!

Олена. А што вамъ до насъ, и до нашихъ дѣтей? вы смотрьте Богумилины дѣти! — О знаеме ми, чому вы къ ней бѣгаете!

Мудроглавъ (не внимае на Олену). Честноживъ Василь днемъ робитъ колеса, возы и всячину строитъ, и самъ добрый приборъ мае, и людей спомагае, каждый день два золотѣ собѣ заробитъ, въ ночи струже, робитъ, мало спитъ, бо уже въ першихъ когутѣхъ вставае, и передъ зорями 'го видно на поли.

Олена. Съ Богумиловъ; — ой знаеся то!

Мудроглавъ. Такъ е, съ Богумиловъ; бо и она працуе, хоть землѣ не мае, цѣлый день робитъ, въ зоряхъ траву зберае, корову кормитъ и прото больше молока и масла мае, якъ вы, дѣточки еи робятъ и учатся, а вы в пянствѣ и лѣнивствѣ лежите, якъ цигане: прото Господь благословивъ ихъ. — Люде позоруйте, абы вамъ праца невинныхъ горенька не была, бо кровавіи труды Честножива и Богумилины до неба кличутъ, такъ якъ кровъ невинного Авеля!

Чмуль. Панове Газдове! я бы вамъ радивъ, жебы 'сте того дурного Прецектора ту лишили, няй вамъ ся любитъ до мене, — я го тамъ непущу, — видите, же то дурный!

Судія. Но куме, дай тамъ Васильови и той собацѣ по 11 палицъ, — а вы Дяче, завтра съ Богомъ изъ села, мы такого мудерця не потребуеме! — Но братя до Чмуля! (идутъ).

Мудроглавъ. Идите, идите до вашей пропасти; выведе васъ Чмуль на добрый конецъ! — Онъ, онъ то ту злодѣй, съ Юркомъ, и такъ знае обмантити розумъ шаленыхъ — пяницъ; — (къ Гайдукови обернеся). А ты недосмѣлѣвайся перстомъ кинути тыхъ честныхъ людей; — доразъ выпусти ихъ изъ безчестной колоды, до котрой вы придастеся! (иде высвободитъ Честножива и Богумилу, притомни чудуются; Мудроглавъ къ Судіи) А теперь, дайте имъ назадъ худобу, бо горенько ѣ платити будете!

Судія. То небуде! (отходитъ).

Мудроглавъ. Припали съ нову до Чмуля; но уже по шію въ пеклѣ суть; а то вщитко про паскудну паленчиску! — О Боже, просвѣти ихъ! (Къ Честноживу и Богумилѣ). Идеме и мы отъ туду, бн ту грѣхъ и неправость, — не журьтеся, Господь поможе вамъ; лемъ Богу служьте и працуйте, и вся навернутся вамъ! (Отходить).

ПЕРЕМѢНА.

(Садъ, по нему пѣшникъ. Богобой сшонтъ на пѣшнику, прислухуеся; — съ далека слышати спѣвъ и розговоръ).

Богобой. А тамъ дѣточки идутъ и веселятся; о якъ прекрасный е молодый вѣкъ! — о я уже больше не розвеселюся! (Дѣти колесаревы, Богумилины и Лестобратовы приходятъ спѣваючи, каждое несе зайду велику, Богобой къ нимъ). А де вы были, дѣтятка, такъ весело идете?

Антоній. Въ хащи были 'сме дѣдочку, сбералисьме грибы, а ци видите, якъ много несеме?

Татька. Хочете дѣдочку и вы? — выберте собѣ, колько вамъ ся любитъ. — (Отвирае зайдочку).

Богобой (бере собѣ еденъ грибъ). Боже ти заплать дѣтинко! (Дѣти всѣ отвераютъ зайдочки и просятъ). Дѣдочку и изъ моихъ, и изъ моихъ берьте собѣ; — о вѣдь у хащи е досыть, — берьте собѣ! (бере отъ каждого). Богъ вамъ заплатитъ, рыбятка. — А ци вы каждый день ходите на грибы?

Антоній. Каждый день, еще передъ зорями, и такъ коли до школы треба ити, уже дома 'есме.

Богобой. Та што чинити съ грибами?

Антоній. Та все маеме на обѣдъ и на вечерю; потому сушиме и сухѣ дорого продаеме въ мѣстѣ. — Дѣдочку, мы и гроши маеме; — я уже двадцять золотыхъ маю.

Татька. А я маю уже пять золотыхъ срѣберберныхъ, таки двадцятники маю, якъ снѣгъ.

Богобой. Та за сами грибы только насбирали 'сте?

Татька. О нѣтъ, дѣдочку; — бо то съ весны на ярь знаете, идеме въ лѣсъ, збераеме цвѣточки, наплетеме косички и несеме до мѣста, тамъ Пановп отъ насъ купуютъ; — бо то Панове люблятъ косицы а една Папѣ все и хлѣба намъ дасть и гроши.

Андрей. А въ лѣтѣ на потоцѣ рыбы и ракѣ ловиме, и дому принесеме, продаме, бо то Панове слизики такъ купуютъ, а за пструга великого и двадцятникъ дадутъ; пакъ идеме на грибы, на ягоды, на черешни, а въ осени на лѣснаки, — знаете коли чому часъ; и такъ и сами маеме, и людьомъ продаме за пѣнязи, такъ собѣ збераеме, о мы уже много грошей маеме!

Богобой. А птички не ловите?

Андрей. Нѣтъ дѣдочку, бо учитель такъ гваритъ абы птички не рушати въ лѣсѣ; бо птички такъ миленько спѣваютъ и увеселяютъ сердце, пакъ и вредныхъ черваковъ выѣмаютъ и воздухъ чистятъ; о мы не рушаеме ихъ, няй ростутъ, якъ ихъ Богъ створивъ.

Настя. Видите дѣдочку, намъ няньойко цѣлу одежу купивъ за наши гроши, и еще двадцять золотыхъ маеме, мы дали Панотцови сховати: о то намъ ся придасть!

Антоній. А я собѣ купивъ и одежду и ремѣнь, ножикъ и книжочку; — такій красный молитвенничокъ маю, и еще едну книжочку читальную, знаете, што у Пряшовѣ продаваютъ! еще и пѣнязи маю, а якъ больше назбераю, та пойду до школы до мѣста, тамъ буду ся учити.

Андрей. И я бы ишовъ, айбо мой нянько наши гроши забравъ, о уже и я бы бывъ мавъ 25 золотыхъ, але нянько ихъ проклятому жидови давъ за паленку: — о я уже му больше не дамъ, ай понесу Панотцови одложити; и якъ зась назбераю, та пойду до школы.

Марька. И я лемъ едну хусточку купила; а хоть много рошей мала емъ, але нянько и мои до Чмуля

отнюсъ и пропивъ; — айбо я му уже не не дамъ и я до Панотца понесу сховати.

Богобой. Дѣточки! няй васъ Господь благословитъ; вы на истѣ честнѣ дѣти; усилуйтеся, робьте, працуйте;—знаете, же Богъ чоловѣка на працу створивъ, хто працуе, усилуеся, той и мае, но все съ Божовъ помощовь, бо знайте дѣточки: якъ мы Богу, такъ намъ Богъ, и якъ присловко е: як ты Богу до церкви, такъ тобѣ Богъ до мѣшка! — Не смотрьте вы Федорця, бо то безчестный; Ой изъ того ничь доброго не выцвѣне!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Колесарь, Богумила, Параска прежніи.

Богумила (плаче, руку ламле). Ой дѣточки мои, дѣточки! уже я васъ доховала! о, де вы ся теперь подѣете?

Антоній и Настя (разомъ). Мамо, што вамъ е, чомъ плачете, мамочко?

Богумила. Ой дѣточки, дѣточки, злочестивіи судіи взяли намъ корову, и все забрали, голу хижу намъ оставили, — а што найгорше болитъ, мене за злодѣйку держатъ; — все имѣніе мои и честь пропала!

Антоній (дивится). А прошто?

Богумила. Богъ ихъ вѣдае про што; всю мою худобу и колесарьову забрали и Многомавови и Чмулеви отдали, больше якъ 50 галбъ паленчиска на нашъ ровашъ напили и теперь еще пьютъ непрестанно. О дѣточки, рыбятка, де вы ся подѣете?

Честноживъ. Сусѣдко, не журьтеся! Господь небесный видитъ нашу невинность; не опуститъ онъ насъ, — о наша справедлива праца не згине, Богъ такъ хотѣвъ искушати нашу постоянность, абы насъ достойныхъ учинивъ своей милости; — ци памятаете, якъ Панотецъ казавъ на проповѣди за праведного Іова, якъ онъ утративъ всю худобу свою, а покойно сносивъ вся нападенія, всѣ кривды и Господь помиловавъ 'го и

сторицею нарадивъ му имѣнія? будьте покорны, уповайте на Господа: онъ милосердный Отецъ, онъ дае, онъ бере, въ Его власти суть вся, — да буде воля Его свята! Далѣй узнайте сусѣдко, же якъ за зловъ тучовъ пріемна погода, такъ за несчастьомъ, за смуткомъ пріемна радость и веселость приходить!

Антоній. Не журьтеся мамко, Богъ не опуститъ насъ! Онъ сиротамъ Отецъ! — Порадиме мы тому, я вамъ мои гроши дамъ, та купите собѣ корову, будетеся съ нову спомагати, Господь вамъ допоможе!

Татька. И я вамъ дамъ мои грошеньки, та будете мати на потребу. — О мамко, не годны мы вамъ отплатити за вашу старость, котору вы о насъ мали; о не годна дитина отслужитися родинѣ своеѣ; прото матушко, пріймите отъ насъ вдячно, што можеме вамъ дати; а не журьтеся, перетерпите кривду, знаете, якъ учитель казавъ, абы кривды терпеливо сносити, бо хто въ несчастю непокойный, самъ себе губитъ, якъ уловленна птичка, котра чѣмъ больше мечеся, тымъ горше раниться.

Богумила. Няй вамъ Господь нагородитъ, рыбята! Теперь вижу, яка я счастлива, бо Господь ми давъ богатство великое въ моихъ дѣточкахъ добрыхъ. — Антоньку! я хотѣла тебе до школы давати, а, о Боже мой! я теперь уже не годна; ой то великій жаль!

Антоній. Не старайтеся Мамко, у Господа суть богатства, поможе ми Богъ! знаете якъ учитель казавъ: же *Добродѣтель превышаетъ богатство!* Сердце доброе и богобойное, чиста совѣсть, добрый розумъ и честь суть таки богатства, што ихъ нихто не годенъ отняти. Не журьтеся мамко, пойду я самъ до свѣта, Господь помогъ Египетскому Іосифу и минѣ поможе; — и Татька пойде служити, — но, ой мамонько, якъ жаль васъ оставити, але дармо!

Татька. Я пойду до мѣста, буду служити, а гроши вамъ дамъ и все буду вамъ посылати; — ой годна

я уже робити, бо вы мене научили працовати; не плачьте мамко, Богъ намъ поможе!

Иванко и **Настья** (разомъ). Няню, и ми вамъ даме наши гроши, спомагайтеся съ ними, Богъ вамъ поможе!

Честноживъ (плаче). Ой дѣточки, няй васъ Царь небесный благословитъ; — то вы въ школѣ научили ся, на истѣ въ школѣ! о якъ то великое счастя, хто може до школы ходити, якъ сердце радуеся, якъ тамъ молодое серденько справится, о на истѣ Богъ помилуе и васъ и учителя вашого.

Иванко. Няньочку! прошу васъ, позвольте и минѣ съ Антономъ ити; я буду ся ремесло даякое учити, та буду вамъ помагати!

Настья. И я бы ишла до службы, але вы якъ останете сами? о Боже мой, кедь бы моя мамочка жила; а теперь я съ вами обстану, буду ся отъ нашого професора учити, и вамъ помагати робити; бо кедь бы вы похворѣли, або заупали, хто бы вамъ помагавъ? — Я лемъ вамъ буду служити, няньочку любезный! — Но ты Иванку не забывай за насъ.

Андрей. Мамко! и я пойду, буду ся дашто учити, приготовьте прошу васъ, и минѣ платя, пойдеме въ едно, Господь попровадитъ насъ!

Марька. А я повинна дома обстати. Нянько бы вшытку худобу промарнивъ, та матери треба помагати, — ой Боже мой, Боже, кедь то пяницины дѣти отъ сироты горши!

Параска. Ой дѣточки мои, яка я счастлива, же васъ Богъ такъ просвѣтивъ! — Иди сыноньку съ Богомъ, але все на Бога памятай, на насъ не забывай; молися щиро Створителю, абы и отца твоего просвѣтивъ, и отклонивъ 'го отъ злого обычаю; бо онъ, — о Боже мой, — съ Федоромъ по корчмахъ блудитъ, и все промарнитъ!

Татька. Настько и Марько, сестрички, о якъ ми жаль отъ васъ розлучитися; но я такъ умѣнила собѣ

и съ Богомъ лемъ пойду; але прошу васъ, дозерайте любезну мамочку мою, бо она сама якъ палецъ, прошу васъ, будьте ей на помочи! (Отходятъ всѣ, лемъ Богобой останеся).

Богобой. Слезы точаться человѣку видящему только нравовъ, такъ много душевныхъ силъ въ невинныхъ простыхъ дѣточкахъ. — О якое то счастя для человѣка Школа! якъ тамъ духъ, сердце и мысль просвѣтится! — бо сравнимъ едного школяря съ другимъ неученнымъ хлопцомъ, а яка между ними разлука, якъ между голубомъ а яструбомъ! школьски дѣти усилуются працовати, робити, а лѣнивіи, пецухи лемъ бѣгаютъ, лѣтаютъ, и вдячнѣйше по жебрѣхъ пойдутъ, якъ роботы пріймутъ; хтобы бывъ то думавъ передъ десять роками, же една дѣтина забавляючися чорезъ лѣто 25 золотыхъ може собѣ заробити; кому бы было пришло на розумъ, же за грибы, ягоды, лѣсняки, черешни, косички една дѣтина себе одѣти, и еще собѣ грошѣ набити годна? — а потомъ, якъ доброго и щирого сердца суть школяри, убогого жебрака якъ вдячно, якъ щиро, якъ радостно спомогутъ, и щирою наремностію пожалуютъ! — О давно того у насъ не было слышано, давно дѣти бѣгали, все лемъ игралися, камѣньомъ метали, по поли пастухами были, тамъ сваволили, грѣшили, кляли, едно отъ другого училося скарѣдно говорити, красти, шкоду робити, словом: давно дѣти росли як быдлята въ лѣсѣ, якъ дики люде, а Бога мало познавали и просто выросли як дерева и безчестніи люде изъ нихъ сталися, горшіи от тыхъ, про которыхъ справедливый Богъ свѣтъ потопомъ загладивъ; а теперь аж душа радуеся, кедь видитъ просвѣщенну, и ученну дѣтину, якъ она знае чести давати людемъ, якъ знае пожаловати худобного, якъ отца, матерь честовати и спомагати, — словомъ, жіе и росте Богу на славу, людемъ на годность и собѣ на пользу. О Боже помози, абы нашъ

народъ увидѣвъ сіе добро, и не жаловавъ маленьку ону платню, за котору другимъ ученнымъ народамъ сравнитися може! — *О школа, школа, нравовъ стодола!*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Честноживъ Иванка, Параска Андрѣя, Богумила Антонька и Татьку за руку веде, маютъ зайдочки на плечах и палицы въ рукахъ. Марька, Настя ихъ плачучи выпроважають, Мудроглавъ съ ними иде, а Богобой стоитъ и призираеся; — съ далека Федорцьо подскакуе и больше дѣтей.

Антоній. Мамко любезна вернитеся уже дому, вернитеся, мы помаленьку пойдеме, 'де насъ Господь провадитъ!

Татька. Вернитеся уже, а не журьтеся, мы такъ будемеся справовати, якъ вы насъ учили; — суть еще и тутъ добріи люде, они васъ будутъ тѣшити и ратовати, а мы вамъ заженеме, што буде можно, поздоровте еще разъ нашого доброго Пана Отца, будьте здорови.

Андрей. Вернитеся и вы мамко, а давайте позоръ на няня, не пущайте 'го до корчмы, няй васъ Богъ помилуе!

Честноживъ. Сыне мой и вы дѣточки, няй васъ Отецъ небесный провадитъ, уповай на Господа, злое дѣло убѣгай и чисту совѣсть сохраняй, бо добра совѣсть е потѣха въ бѣдахъ; — словомъ отдавай Божое Богу, Царево Царю, а людемъ чини то, што отъ людей самъ собѣ желаешь, такъ Господь буде съ тобою! — Богъ няй тя провадитъ, а Ангелъ хранитель веде!

Мудроглавъ. Не такъ дѣточки! — поставайте рядом! (въ рядъ поставаютъ). Вы дѣти, неискусніи, до широкого свѣта беретеся, якъ птички изъ гнѣзда, на крыла пущаетеся; — но вы еще свѣтъ не познаете, я васъ научу, слухайте: Свѣтъ изобразите собѣ якъ

едно великое село, 'де суть разныхъ половъ, племенъ и обычаевъ люде; тамъ суть честніи, богобойніи, справедливіи, усиловніи, добріи люде, але суть — и то съ большей части, суть лѣнивіи, безпестніи, неправедніи, безчестніи, безбожніи, лукавіи, фалшивіи окламники, заздростливіи, словомъ свѣтовіи люде. — Но знайте, же честный, богобойный и усиловный человѣкъ отъ неправедныхъ дуже много скорбей и гоненій терпитъ, бо діяволъ пекельный всягды мае своихъ помощниковъ, которіи на праведного нападаютъ, такъ якъ яструбы на невинныхъ голубовъ, якъ волцы на ягнята; — но Ангелъ хранитель заставляе праведного, хоть и многоразъ Господь допускае на человѣка бѣды, но не оставитъ 'го съ всѣмъ; хоть и допускае на него искушенія, якъ на праведного Іова, на богобойного Іосифа Египетского, но пожалуе его, якъ милостивый Отецъ, и потѣшитъ 'го съ нову. — Прото дѣти Бога на сердцѣ майте, всегда съ честными людьми схожайтеся, съ богобойными товаришьте, а злыхъ, фалшивыхъ, нечестивыхъ, лѣнивыхъ остерѣгайтеся, бо *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ!* Найбольше варуйтеся отъ пяницъ, и такъ реченныхъ коргельовъ, марнотратниковъ и бездѣлниковъ, отъ корчмы утѣкайте якъ отъ бѣса пекольного, паленку и много напою не вкушайте, свѣжа водичка няй буде вамъ напой а хлѣбъ ѣдло; но и остерѣгайтеся отъ безчестныхъ особъ, они прельстятъ сердце, и приводятъ на блудъ человѣка! Далѣй: до церкви усиловно ходьте, Богу ся мольте, каждому честь давайте, и не стыдайтеся убогихъ вашихъ но честныхъ родителей, не ганьбитеся повѣсти, же вы Русины; народъ вашъ въ чести держите, и заступайте; такъ Отецъ небесный благословитъ васъ, подасть вамъ силу и поможе вамъ въ всѣхъ дѣлахъ и скорбехъ вашихъ; люде же будутъ васъ честовати и такъ съ помощію Божіею найдете сокровище на небѣ и на земли! Теперь же дѣточки покля-

кайте на колѣна, испросьте благословеніе отъ родителей, и такъ въ имя Господне пустьтеся на крыла, счастя ваше глядаючи! (Дѣти поклякаютъ и родичи ихъ благословлятъ, и такъ повставаютъ, цѣлуютъ родителей и друговъ говорячи):

— Будьте здоровы! (Пристоящіи плачутъ, а дѣти посбираются спѣваючи:)

Сбераймесядѣти,
Якъ птички на крыля;
Широкій бѣлый свѣтъ,
Всягды земля мила!
Всягды едно солнце,
Всягды една доля,
Всягды промыслъ Божій,
Всягды Его воля.
Хоть куда пойдеме,
Все Богъ буде съ нами,
Онъ насъ попровадитъ
Горами, лѣсами,
Хоть 'де повернеме,
Все Богу служити
Будеме, и честно,
Богобойно жити. —
А вы братя люди,
Здрави оставайте,
Няй васъ Господь тѣшитъ,
Насъ не забывайте!

(Еще разъ идутъ и цѣлуютъ своихъ, и отходятъ).

Богобой. Галтъ дѣти! вы сами не пойдете, вы свѣтъ не познаете; — я поведу васъ и заведу въ широкій свѣтъ хоть на едной нозѣ, укажу вамъ дорогу, и буду вамъ за вожда; — ну смѣло за мною! (Богобой напередъ, дѣти за нимъ идутъ).

Федорцьо. А 'де вы идете хлопци?

Антоній. Будь здоровъ, а полѣпшайся, честно ся справуй, иди до школы, а слухай учителя!

Федорцьо. Не учи ты мене; но лемъ идьте оборванци, менѣ не потребно съ вами ити до свѣта, я не свѣтовый; — о выжію я и ту съ моими дукатами, менѣ нянько купитъ село, то я буду паномъ, ажъ буду, а вы можете и до Вѣдня ити, та все жебраки будете!

ДѢЙСТВІЕ III.

(Случается по 10 годахъ позднѣе).

(Домъ Федоровъ).

ЯВЛЕНІЕ I.

Федоръ въ худобной кучѣ сидитъ на лавицѣ, въ лихой одеждѣ, въ хижѣ не е ничого, и журится. — Олена лихо одѣта, боса, стоитъ въ кутѣ, и плаче.

Федоръ. Правду ми Панотецъ казавъ, правду гваривъ и учитель, но я не слухавъ, худобка минула ся, грошеньки чоргъ забравъ, хижа спустѣла, теперь кусокъ хлѣба не маю! — О пріятели мои, 'де 'стеся подѣли? Покля Федоръ богатый бывъ, покля кормивъ, поивъ лестниковъ, та и пріятелей мавъ, а теперь не пожалуе никто худобного Федора; такъ то правда, же худоба въ самотности, худобного каждый потулитъ, худобный стыдится каждого; — але и то правда, же Богъ платитъ каждому справедливо. О дукаты мои, якъ ми ся минули, я думавъ, же на вѣки будутъ держати; а теперь богатый Федоръ голоденъ, оборваный, босый якъ песъ; — о Боже помилуй мня!

Олена. Ой такъ, можешь ты уже молитися, коли есь промарнивъ богатство и мене несчастною учинивъ. О кедь бы была я того знала, никда бы я твоя жена не была; — я выгодована якъ соколикъ, выросла въ богатствѣ, въ роскошахъ, а теперь хожу ги циганка кусокъ хлѣба жебрючи, а то все про тебе марнотравнику, — ой нагнавъ ты мене до козього рожка! Федоре! я тя лишу, я съ тобовъ больше жити не буду.

Федоръ. Якъ ти дяка. То правда, же я марнотравивъ, я забывъ о Бозѣ, я до дѣдка живъ, но и ты лѣпша не была. Олено! 'де мужъ марнитъ, тамъ полъ бѣды, але 'де жена блудомъ ходитъ, 'де жена пессьими путьми ся пуститъ, тамъ вшитко до дѣдка пропадае.

ЯВЛЕНІЕ II.

Богумила убрана порядно, несе горнецъ молока и бѣлый хлѣбъ и дае Оленѣ.

Богумила. Сусѣдко не потупьте Божій даръ, ану похлипайте мало солодкого молока, е закусьте хлѣбика, бо вы дуже хвора, прошу васъ пріймити!

Олена (съ презрѣніемъ). Я отъ тебе не прошу, держь собѣ твое молоко; о я не стерплю, абы ты изъ мене смѣхъ собѣ чинила! (Обертается отъ Богумилы).

Богумила. Сусѣдко не сердитеся, пріймите ласкаво; видите мене Господь помиловавъ, няй му буде честь и хвала; — я вамъ все принесу; вѣдь Богъ прото намъ удѣливъ, чтобы 'сме и другимъ удѣлили, прошу пріймите пріятно; Господь милостивый еще и вамъ наверне, такъ якъ менѣ навернувъ, не отчавайте, уповайте на Господа, онъ самъ годенъ васъ потѣшити!

Федоръ. Боже вамъ заплать сусѣдко! о вы честна особа, я стыжу ся вамъ до очей поглянути, я васъ дуже оскорбивъ, но теперь Господь заганьбивъ мене пышного. Сусѣдко, молю васъ, отпустите ми великій мой грѣхъ!

Богомила. Любезный Федореньку, не оскорбили вы мене, я о томъ больше не тямлю; — Божое то розположеніе, да будетъ воля Господня! Божа воля, чтобы кривды терпеливо сносити; о колько разъ прогнѣваеме Бога, и Онъ милостивый прощае намъ; он поможе и вамъ, лемъ не опустьтеся Его, не отдалится рука Божая отъ васъ, памятайте на святіи слова Пророка: *Услышитъ тя Господь въ день печали, — послетъ ти помощь отъ святого, и дастъ ти Господь по сердцу твоему;* оставайте здоровеньки съ Богомъ! (отходитъ).

Олена. (мечеся) Еще и тота собака высмѣваеся съ насъ! Федоре! я то не годна стерпѣти, — я иду, я ту не буду, пойду межи люде, 'де мня нихто не знае, волѣю служити, а смѣхъ изъ себе чинити не дамъ!

Федоръ. О ты скарѣдна грѣшнице, и доброе дѣло не узнаешь; ты завзята бабище; подякуй Богу, же тя люди не лишаютъ; въ бѣдахъ, и скорбехъ еще гордитися, то уже истинное неблагодарство, то злоба діаволя! — О Боже мой милостивый; о праведенъ еси Господи, и прави суть суды твои! (бере горнецъ и хлипае). Такъ богатый Федоръ худобному никда еденъ пѣнязь не удѣливъ, а теперь изъ чужой ласки годуеся! На Олено нехлипай, а поправься! (Олена гнѣвливо бере и ѣсть)

ЯВЛЕНІЕ III.

Честноживъ и прежніи.

Честноживъ. Дай Боже вамъ здоровля сусѣдко! не презрите Федор, што ми Богъ помиловавъ, пріймите вдячно! (Дае Федорови еденъ хлѣбъ, и груду сыра).

федоръ. (плаче) О брате мой, та ты не сердишь ся на мене? — О брате Василю, якъ я стыжуся, якъ я тебе образивъ, и розсыпавъ, а ты еще помагаешь менѣ въ моей узкости! О сусѣдко, ци можешь ты ми отпустити мою вину? я тебе презрѣвъ, а ты въ узкости мене защищаешь. Брате, кедь бы сь видѣвъ сердца мого рану, то велика болѣзнь, то въ смятеніе, то въ стыдъ приводитъ душу мою! (на голосъ плаче).

Честноживъ. Федореньку перебачьте, не журьтеся, уповайте на Господа, помните на праведного Іова: „Господь давъ, Господь взявъ; да буде воля Его свята."

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мудроглавъ и прежніи.

Мудроглавъ. Федоре, адде вамъ Панотецъ пославъ мѣрку зерна, и поздоровляе васъ, абы 'стеся не

журили. Зачните съ но́ву во имя Господне працовати; бо солодшій ячменный хлѣбъ властными руками заслуженный, якъ изъ чужихъ рукъ пшеничный!

Федоръ. Господь няй заплатитъ вамъ и Панотцови! На я стыжуся Панотца, и васъ соромлюся, бо я васъ дуже оквиливъ.

Мудроглавъ. Ничъ не стыдътеся! Панотецъ не гнѣваеся и я не уважаю на минувшее время; лемъ вы Федоре зачните другій животъ, працуйте, мозолътеся, а на корчму крестъ вержите, та вамъ Богъ поможе, у Бога суть богатства, онъ исправленного ґрѣшника милуе, и помилуе!

Федоръ. Ой такъ, пане дячку, та якъ зачати? ани худобки, ани серстины не маю, ани землицѣ, словомъ ничого на свѣтѣ!

Мудроглавъ. Та дайтеся до ремесла, до якои либо роботы, наприкладъ научитеся коши плести, рѣжьте прутя, то не тяжко ся научити, не ганьба и мѣтлы правити, и коши на возы, и на другіи потребы правити — забавка лемъ, и изъ гого честно можъ выжити. Соединитеся, спойтеся съ честнымъ колесаромъ, онъ васъ буде управляти, и такъ съ помощію Божіею еще можете достигнути ставъ прежній! —

Федоръ. Боже васъ благослови, Пане дячку ажъ теперь вы менѣ розума додали, на истѣ такъ буде, о уже не боюся голоду! Брате колесарю, я тебе дуже образивъ, но прошу, и перепрошую тя, отпусти ми, прійми мя къ собѣ за помощника, я знаю и робити, буду кошики плести, буду ся усиловати, буду съ тобовъ робити, буду ти служити якъ найвѣрнѣйшій слуга! О дай Боже здоровля, не боюся, голоду; — жено не журися, ты будешь прутя рѣзати, я кошики плести, Богъ намъ допоможе!

Олена. Та плеть собѣ, тай плеть, я не прото ся отдавала за тебе, абымъ кошики плела, верни мою худобу, штомъ ти принесла!

Федоръ. Твоей худобѣ ты сама шію сломила, пусто жіючи, лежачи и роскошуючи, надобыла есь, што теперь маешь; якъ есь собѣ постелила, такъ будешь и спати.

ЯВЛЕНІЕ V.

Чмуль въ шапцѣ, и не поклонится, — и прежніи.

Чмуль. Федоръ порахуймеся, я уже не могу такъ довго ждати! — бо де мой интересъ, де лихва отъ грошей? еще довженъ есь, 97 золотыхъ 48 крейцаровъ въ срѣблѣ. Но коли выплатишь? ге?

Федоръ. Чмульку! Богъ ти заплатитъ, я уже не маю чимъ платити; — вѣдь вшитку худобу мою забравъ еси, та де бы я ти довженъ!

Чмуль. (зъ гнѣвомъ). Хто? я забравъ? твою худобу чортъ забравъ не я, я не злодѣй, я ти не приписавъ, о достъ моей худобы у тебе пропало, ты мене россыпавъ, я про тебе по жебрѣхъ пойду, а еще смѣешъ повѣсти, же ты ми не довженъ; ци уже не тямишь, ты и Олена и Федорцьо все есте пили якъ дуги? але уже вамъ не дамъ ани на лѣкъ!

Федоръ. Ой привювъ ты мене на рядъ, про тебе я цундрями трясу, и цѣлое село опустѣло; ты выссавъ мою кровь, Антихристе; ты покравъ мою и всѣхъ насъ худобу, злодѣю, ты змій люди переводящій, горшій отъ того, што Прародителей въ Раѣ перевювъ и окламавъ!

Чмуль. А якъ ты ми смѣешь такъ брехати, ты простый, смердячій Русначе, ты глупый Русинъ, ты простакъ! ци ты не знаешь, же я панській Арендарь? ци я тя не учивъ: о Федоре не пій такъ, пошкодитъ ти на здоровлю, Федоре, што ты чинишь, ты на нивочъ выйдешъ? — такъ я ти все гваривъ, и просивъ емъ тя, абысь не пивъ, а ты мене не слухавъ. Я мусѣвъ ти давити; — о, я про тебе не тысящъ золотыхъ шкодовавъ, бо много разъ забывъ списати; но ало то уже пропало, хоть лемъ заплати што записано!

Федоръ. Ой пропавъ бесь зводителю, ты забывъ записати, познаю я твое діавольское перо, оно десять разъ пише, збавивъ есь мя худобы, збавивъ обыстья, чести, здоровля, и розума, мое богатство пересунолося до тебе, Юрко ти помагов; теперь уже и сына мого до товариства есь пріявъ. Няй ти Богъ заплатитъ!

Чмуль. Увижу я, научу а тебе пяницо, дай гуню, и вонъ изъ дому, то мое, то менѣ честна громада отсудила!

Мудроглавъ. Жиде, враже пекельный; ты окламнику, ты діаволе, ци уже ти не доста, о ты безбожный чорте, не спокоишься съ тымъ, же цѣлое село про тебе спустѣло, же выссавъ есъ уже честныхъ христянъ, уже и душу хочешь вылупили отъ людей, — о найду я и тобѣ рядъ!

Чмулъ. Я съ вами не маю ничь, — але я и вамъ укажу, я васъ до прецесіи возму, укажу я вамъ якъ треба паньского арендаря чествовати!

Честноживъ. Иди, пропадь жиде, ты лудигроше, иди до дѣдка! (выдрылитъ жида вонъ). А ты Федоре пойди до мене, я ти мое обыстья не жалую, бо Господь просвѣтивъ тя, хоть уже и мало поздно; но все не поздно, покля человѣкъ жіе, бо лемъ по смерти не е покаянія!

федоръ. Та ты менѣ годенъ отпустити кривды мною учиненыи? О брате, забій мня, брате, я не годенъ твоей милости!

Честноживъ. Богъ няй ти отпуститъ, прийди, и буди ми братомъ; мое буде и твое; но честуйся, на корчму больше не позерай, а отъ жида, якъ отъ бѣсного пся утѣкай! (идутъ).

Олена. Ты идешь Федоре, а я што буду чинити?

Честноживъ. Як есъ робила, такъ и маешь, якъ есъ собѣ постелила такъ будешь и спати, якъ есь посѣяла, такъ будешь и жати; — маешь руки, та працуй

до рота руками хлѣбъ иде; хто не робивъ въ молодости, няй ся учитъ у старости! (Отходятъ всѣ, Олена за ними нарѣкаючи).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Храбростой, военный Официръ приходитъ, стане на серединѣ, разсмотрюе.

Храбростой. Ту они будутъ, о мои люде вынайдутъ ихъ. То уже диво, такъ маленькое село и сами разбойники; тутъ е складъ разбойниковъ; но уже я нападу на него, о мои хлопцѣ розумѣютъ тото!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Вояки ведутъ мотузями повязаннаго Федорця, Юрка и Чмуля и приведутъ ихъ къ Официрови.

Храбростой. Но въ рукахъ есте злодѣи, давно я за вами трудився, берьте ихъ!

Чмуль. Великоможный ексцелленція Панъ Официрь, я паньскій Арендарь, я честный человѣкъ, хто на мене дойде злодѣйство? я прошу, пустите мене въ покой, бо я свою честь правомъ буду глядати!

Храбростой. А ты пессій сыне, ты всѣмъ злодѣямъ начальникъ: о познаю я тебе; думаешь, же утаено твое злодѣйство; — а хто Многомабови гроши, а хто конѣ, волы, коровы, а хто Панотцово зерно покрав? — ге? а то уже на свѣтъ вышло. Юрку! и тж невиненъ? а хто ти товаришъ?

Юрко. Та хто бы бывъ, якъ адде Чмуль и Рѣзник и Федорцьо? а инде суть други.

Храбростой (къ Федорцьови). Такъ Сыноньку красный! ты молодый червакъ, и уже-сь до красного ремесла пустивъ ся, о ты уже совершенный злодѣй! — А хто перешлой недѣли Шафраника опустошивъ? но 'де товаръ?

Федорцьо. У Чмуля е.

Чмуль. То неправда; — я присягну, же я не видѣвъ, абы'-мъ ослѣпъ, кедь емъ видѣвъ!

Храбростой. Но, но, лемъ не мечь ся жидику, то уже моя старость, то найдеся! — А дротаря хто заморочивъ подъ мостомъ?

Федорцьо. То не я; — то Юрко.

Юрко. А ты нѣтъ? — та хто му голову проваливъ?

Храбростой. Доста уже доста, уже знаеся все, лемъ ведьте ихъ, а дайте позоръ, абы не утекли!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Олена наремно прибѣгла.

Олена. Ой сынонько мой Федорцю, а хто на тебе наводитъ? — ой соколику мой, соловѣйку мой, рыбонько моя!

Храбростой. Што то за покуса? ци и она къ нимъ належить?

Олена. О сыноньку, та што то на тебе враги сплели? — (къ Официрю) О паноньку, будьте ласкави, мой сынокъ такій, якъ Ангеликъ, онъ ани курятко не рушивъ, онъ еще и едного воробця не ударивъ, то блага дѣтина, небожатко невинное якъ ягнятко; — о пустьте 'го бо доразъ ми сердце пикне, россыплюся отъ болести! О Федорцю, Федорцю! (цѣлуе 'го).

Федорцьо (дрылитъ ю отъ себе). Иди, пропадь, ты не моя мати, ты винна моего несчастья; о ты несчастна мати, ты отповѣдати будешь за мене на страшномъ судѣ; ой ты мене привела на безчесть, на злодѣйство!

Олена. Федорцю, сыноньку! вѣдь я тебе любила якъ голубка, любила якъ мою душу; я загибала за тобовъ, а злому вѣтрикови на тебе не дала дунути, я тебе годовала якъ соколика!

Храбростой. И выгодовала ворону, и ястряба, и тутка!

Федорцьо. Ваша любовь для мене злость была. Вы мене оттягли отъ школы, вы мене не пустили учитися, вы мене за сваволю и безчесть не покарали; — я ходивъ якъ блудный, людямъ чести урывавъ, съ дѣтьми ся надеравъ, головы провальовавъ, учителя высмѣявъ, съ вами по корчмахъ ходивъ, бився, вадився, скарѣдно лаявъ, кривды, шкоды чинивъ; — а вы все мене защищали, мене хвалили, менѣ бодрости додавали, все изъ дукатами, изъ богатствомъ косорили. — Прото я теперь злодѣй! — о мамо, мамо дурна, ты мою участь заложила, а Чмуль съ Юркомъ совершивъ; и паленочка, ой тота пекольна смола помагала ми, изъ товъ заморочили мене, якъ рыбу маслагомъ! Ты мамо причина мого несчастя; — иди, не хочу тя видѣти больше!

Олена. Ой смутку мой смутку! чого я ся дождала!

Федорцьо. Няй вамъ Богъ заплатитъ за мене!

Храбростой. Но берьте ихъ; — ступай! — А жидови худобу треба запечатовати; буде ся продавати, абы ся шкоды исплатили; — напередъ Богумилѣ и колесарьови маютъ ся шкоды выплатити, съ десять рочною лихвою, а честного судію, пяницю, съ присяжными повяжьте и берите; — но не забудьте Лестобрата понести! — Но ступай!

Чмуль (дае официрови гроши и мургае на него). Панъ великоможный царскій Официрь! Я не виненъ, я честный чоловѣкъ, я не злодѣй, цѣлое село повѣсть; хто до корчмы приходитъ, я каждому выслужу. — А Лестобрата уже не е, еще въ зимѣ до пролубы упавъ, та затонувъ.

Храбростой. Бо ты 'го тамъ друливъ.

Чмуль. О я нѣтъ, я 'го не видѣвъ!

Храбростой. Ты нѣтъ, лемъ твоя паленка; упоивъ-есь 'го; но не велика шкода, не треба буде мотуза. — О кедь бы всѣ пяницы пропали! — Но рушайте! (Отходятъ).

ПЕРЕМѢНА.
(Садъ).
ЯВЛЕНІЕ IX.

Федоръ съ колесарьомъ прутья струже.

Федоръ. Ажъ теперь я знаю, што значитъ жити, о чому я того давнѣйше не знавъ? О, якъ веселится сердце и душа человѣка, коли честною працою руки занимаются, якъ здоровый е духъ, якъ здоровое тѣло, якъ солодкій кусокъ хлѣба руками заробленный, якъ весело ляже человѣкъ працею трудившійся, покойно почивае цѣлую ночь, а рано вставае веселый якъ птичка, здоровый якъ орѣхъ! О, распамятаюся, якъ унылый былъ менѣ цѣлый день, помѣщенья не мавъ, голова лупала отъ пянства, ничь смачно ѣсти не бывъ годенъ, цѣлый день ходивъ якъ отровлена рыба, сердце затвердѣло якъ бы ся на мнѣ босоркани носили, а теперь день весело и такъ скоро пройде, якъ рѣка, вечеромъ помолюся, ляжу, въ ночи сплю спокойно, раненько встану, къ Створителю воздыхну, и радуюся, же жію. — О, кедь бы былъ я того знавъ, якъ счастливый бывъ бымъ до теперь! — Но паленочко, няй тя уже громъ убье, больше ты въ моемъ ротѣ не будешь, моя нога жидовски пороги не перекрочитъ!

Честноживъ. Няй тя Царь небесный услышитъ! (указуе му, прутики складуе). А такъ брате, еденъ прутикъ за другимъ; завтра кошъ готовый буде, и уже три золоти заробишь, и такъ съ дня на день Богъ ти поможе!

Федоръ. Брате! еденъ жаль несносимый чувствую, моритъ мя грѣхъ великій, и якъ червакъ серденько грызе. Брате, я сына мого убивъ, я виненъ его несчастью. — О, кедь бы бывъ я Панотца и учителя слухавъ, кедь бы бывъ я сына до школы посылавъ, то онъ бы бывъ на той конецъ не прійшовъ! — О, я несчастный! якъ страшно отповѣмъ на страшномъ судѣ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Настя порядно убрана прибѣгае и съ радостію кричитъ съ далека.

Настя. Няньочку, Няньочку, радуйтеся! — Иванко пришовъ, и Андрій, и Антоній, и Татька, на такъ цѣфрованомъ возику, убрани якъ панове, а конѣ таки, якъ татошы. — О, скоро бѣжьте Няню: — ни, ни, сюда идутъ!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Антоній, Иванко, Андрей, Татька, по паньски убрани приходятъ, а Богобой шкинтае за ними. Иванко бѣжитъ къ Отцу, — цѣлуе 'го въ руку и лице, цѣлуе Настьку.

Иванко. Няню любезный, по десять рокахъ на послѣдокъ вижу васъ. О, якъ довгое время не видѣвъ любезного отца! — Няню солодкій, якъ я радуюся!

Честноживъ. О, дѣтино моя, сыне мой, Иванку дорогій! (обнимаются, цѣлуются, и плачутъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Богумила, Параска и Марька и учитель летятъ, Богумила Антонія и Татьку, Параска и Марька Андрейка обнимаютъ, цѣлуютъ и гласкаютъ.

Антоній. Мамочко солодка, мы вернулися, о, якъ радуюся, же васъ здорову вижу!

Татька. Мамко моя прелюбезна, серденько радуеся, васъ уже видѣти; минули десять годы, я васъ не видѣла, о, якъ летѣла была бымъ къ вамъ, ай бо не можъ было, бо Антонько школы не докончивъ еще бывъ; о, слава Господу, же еще жіете, же васъ вижу; и больше не отступлю отъ васъ ни на крочай!

Андрей. Мамушко солоденька, якъ вы маетеся, ци 'сте недостатка не терпѣли? — Слышавъ я несча-

стья Няньово --- та дарьмо, якій животъ, така и смерть, — няй съ Богомъ спочивае!

Мудроглавъ. Дѣточки и братья мои! я днесь трепещу отъ радости, бо услышавъ Господь гласъ моленія моего; Слава во вышнихъ Богу; о Господи хвалю тя, благословлю тя, кланяю ти ся, славословлю тя, благодарю тя Господи царю небесный; теперь обновится яко орля юность моя, бо ущедривъ Господь боящихся его, яко той позна созданіе свое!

Федоръ (плаче и руки ламле). О, Боже мой, Боже мой, лемъ я радости не маю; — и тому я самъ виненъ!

Мудроглавъ. Но дѣточки, скажите намъ, 'де вы были, и што 'есте надобыли?

Антоній. Любезный пане учителю! нашу участь и счастливу долю по Бозѣ вамъ найбольше, потомъ же родителямъ нашимъ благочестовымъ благодарити мы повинни; вы насъ просвѣтили, вы намъ доброе сердце и чести любовь вкоренили, вы насъ счастливыми учинили. — Но слыште нашу судьбину! — Насъ честный Богобой, якъ Ангелъ хранитель провадивъ ажъ до Пешта, на пути учивъ и годовавъ насъ, якъ неискусныхъ чужестранцевъ; въ Пештѣ запровадивъ насъ до казармы; мы тамъ за едну цѣлу недѣлю были а вояци насъ годовали хлѣбомъ и чимъ могли. Минувшей недѣли приходитъ отецъ нашъ Богобой, и мене съ собовъ взявъ, привюовъ до великого дому, и едному молодому панови отдалъ мя. — Въ томъ домѣ заложилъ я основу моего счастья. Я моему панночкови вѣрно служивъ, шматы 'му чистивъ, — до школы ходивъ. Паничъ мой про усиловность и вѣрность полюбивъ мене, ратовавъ съ книжками, одеждою и грошми, а на конецъ за пріятеля пріявъ; — такъ я съ помощію Господа школы выходивъ, цензуру положивъ. а теперь, слава Богу, я адвокатомъ и директоромъ оставъ такой и моего богатого панича барона Богослава, доволенъ ставомъ моимъ, и судьбою мнѣ опре-

дѣленною. А Татьку тойже добродѣтель Богобой отдавъ сестрѣ того самого пана, и такъ мы все въ едно бывали; она скоро научилася шити и вышивати, и всяки женски роботы, честно ся справовала и вѣрно служила, такъ же ю добра панѣ полюбила, всѣ ключѣ ей отдала, а теперь дуже тяжко ю отпустила, но такъ богато обдарила, же ей худоба на три тысячи золотыхъ цѣнитися може.

Иванко. И мене, няньочку, честный Богобой запровадивъ до едного богатого купца, я тамъ служивъ и учився, купецъ полюбивъ мя, отдавъ ми въ руки весь товаръ свой, — я вѣрно, порядно имъ управлявъ, такъ усиловався, якъ собѣ самому; прото мой купецъ едину свою дѣвочку мнѣ за жену обѣщавъ, красную якъ цвѣтъ, добрую якъ Ангелъ. Ой, я найсчастливѣйшій человѣкъ подъ небомъ; и того счастья вы няньочку и любезный учитель мой Мудроглавъ, такъ и хранитель мой Богобой строители; няй вамъ Богъ заплатитъ! — И прото, любезный няню, вы не мозольтеся съ колесами, подьте ко мнѣ, я вами не будуся стыдити, ни моя жена, она знае, же отецъ мой простый селянинъ.

Честноживъ. Я, сыне мой, ту умерти хочу, 'демъ ся народивъ, а працовати буду, покля ми силы стане; а ты провадь съ Богомъ свое купечество, но внимай, чтобы никого не окламавъ, не окривдивъ, бо знай, несправедливо стязанное имѣніе разорится, схалѣе якъ снѣгъ весною от вѣтра солнца и дождя; — коли тя Богъ благословивъ, буди ему покорный, дай Богу славу, а людемъ честь, я больше отъ тебе не желаю!

Иванко (къ учителю). Но, вы пріймите отъ мене, любезный учителю, ту маете! (дае му мѣшокъ съ грошми).

Мудроглавъ. Я не принимаю отъ тебе ничого, лемъ доброе сердце; сховай собѣ и дай нищимъ, я

съ помощію Бога маю изъ дня на день, больше не потребую, мое богатство е чистая совѣсть.

Иванко. Честно е, Учителю мой, та возьмите, и отдайте на Церковь, купите зъ того ризы; — але учините вы мнѣ еденъ даръ; я прошу васъ, дайте ми сына вашого, я му буду за отца, я его учиню человѣкомъ!

Мудроглавъ. За то благодарю тя и вдячно ти дамъ, бо симъ образомъ найбольшу есь ми учинивъ радость.

Андрей. А я матушко ремесло учився, — мене любезный отецъ нашъ Богобой запровадивъ до едного кушнѣря, тотъ честный и богатый майстеръ пріялъ мене, за три роки выучивъ ремесло, и уже свѣта походивъ: я бывъ уже въ Вѣдню, Берлинѣ, Варшавѣ, Кіевѣ, Москвѣ, Петербурзѣ, видѣвъ свѣта, знаю якъ люде жіютъ, теперь слава Господу маю грошеньки, знаю добрѣ свое ремесло, зачну съ Богомъ самъ, тутъ буду ремесло мое провадити, въ мого отца домѣ поставлю фабрику, но перше оженю ся мамко, и если вамъ и Богумилѣ любится, я Татьку себѣ избравъ за будущую супругу.

Богумила. То ваше дѣло, не мое, я лемъ радоватися могу.

Татька. Мы уже давно собѣ слово дали, и Антоній на то изволивъ, и мы только вашого благоизволія ждаеме.

Богумила. Няй васъ Богъ вседержитель благословитъ!

Татька (цѣлуе мамку въ руку, также и Андрей, обертаеся къ Парасцѣ). И вы мамко довольни будете съ невѣстовъ.

Параска. О, я дуже довольна, няй вамъ Господь поможе!

Андрей. Теперь два домы въ едно споиме, въ едномъ устрою фабрику, а вы двѣ матушки будете собѣ сестры, будете господарство провадити, а любе-

зный нашъ отецъ, нашъ защититель, нашъ Ангелъ хранитель Богобой буде у насъ покойно жити, и по многихъ трудахъ на старый вѣкъ спочине, онъ буде наша потѣха, наша радость.

Антоній. А я съ моей стороны придамъ вамъ 500 золотыхъ, дайте на лихву, котру дѣдочкови все отдасте, абы онъ скудости не терпѣвъ у старости, а по его смерти остане сумма та на основаніе фундаціи на едного школяря.

Иванко. И я вамъ придамъ на тотже конецъ 500 золотыхъ.

Богобой. Дѣточки мои, я только добродѣтели не заслуживъ; — я васъ провадивъ до свѣта, и не иное было мое намѣреніе, якъ чтобы изъ потопленнаго до селѣ карпато-руського народа воздвигнути особы, чтобы имъ подати способъ гражданьскои жизни. Бо если всегда лемъ при давныхъ обычаяхъ останеме, то всегда будеме тамъ, где Отцы наши томили ся; а если еденъ другого спомагати будеме, то не за довгое время вырости можеме въ народъ великій и свѣту полезный. Такъ теперь дѣточки, вы не стыдитеся вашего племени, нашего честного рода; спомагайтеся, спомагайте и сродниковъ вашихъ. Ты Андрѣйку возьми до твоей фабрики рускихъ хлопцовъ и учи ихъ ремесло, якое ты научився, ты Иванку возьми съ собовъ больше русиновъ и подай имъ способъ счастія, якое и тобѣ Богъ указавъ: такожде и ты Антоньку усилуйся народа твоего счастіе воздвигнути, такъ весело увидите, же бѣдны русины двигнутся и съ помощію Створителя разцвѣнутъ, якъ богатая нива по благой росѣ. А я уже съ радостію останy у васъ, не буду лежати лѣниво, и понеже я на поле уже идти не годенъ, буду вамъ загороду пильновати, и куплю пчолы, буду ихъ дозерати, то буде моя забава и покажу обывателямъ: же невинніи мушки великій въ господарствѣ принесутъ прибытокъ,

бо уже наши русины — ой шкода велика — сію господарства часть оставили, незнаючи, же воскъ Богу на хвалу, а медъ на ужитокъ людямъ неоплатимый даръ божій е.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Храбростой и прежніи.

Храбростой. Боже вамъ дай гораздъ: Я слышавъ, же у насъ свадьба готовится, тому тѣшу ся, бо я военный, люблю веселитися; мы уже свыкли все весело жити! — но где е юноша, и котра молодиця?

Богобой (приведе Андрея и Татьку). Адде суть.

Храбростой. Но гораздъ! то хорошій сходъ; — не пріймете мене за дружбу?

Андрей. Съ благодареніемъ.

Храбростой (къ Богобою). А ты старый воякомъ бывъ? якъ вижу ты староста.

Богобой. Я, ваше благородіе! то мои дѣти по сердцѣ. Я раненный старецъ, за царя ногу положилъ, но еще и голову положу, если потреба буде; — о, благодарю Господа, же про мого царя хоть едну ногу пожертвовавъ!

Храбростой. Прекрасно Богъ ти нагородить въ животѣ вѣчномъ; — но еще едно дѣло маю: сукинъ сынъ Чмуль цѣлое село опустошивъ, его складъ продався, и праведный судъ царскій повелѣвъ выплатити шкоды невиннымъ учиненніе; а де е честный колесарь?

Честноживъ. Адде я, ваше благородіе!

Храбростой. Вы колесарь? видно вамъ по очахъ, же вы честный человѣкъ; — адде вамъ за вашу худобу присудилися 800 золотыхъ! пріймите то ваше! А где Богумила?

(Идъ Богумилѣ) И вамъ присылае судъ 600 золотыхъ съ лихвою — еще тутъ естъ якіисъ Федоръ пяница, онъ хотя не заслужилъ милости, бо его сынъ съ

Чмульом соединенный злодѣй бывъ, и вчера его повѣсили, но еднако судъ ему посылае 700 золотыхъ; — ой буде мати за што пити!

Федор (плаче). О Боже мой Боже! чого я ся дождавъ! Сына ми повѣсили, жена ми свѣтомъ пропала худоба спустѣла; и тому я самъ виненъ, бо я слѣпый бывъ я о Бозѣ забывъ. Теперь я новый честный животъ начинаю; я уже не отступлю отъ тебе, брате колесарю, буду съ тобовъ працовати и за грѣхи покутовати. Я гроши не хочу, бо уже за руками хочу солодкій хлѣбъ ѣсти; — мнѣ гроши не треба; — Дячку возьмите, и дайте ихъ на Церковь, бо уже на истѣ знаю, же добродѣтель превышаетъ богатство.

Мудроглавъ. То е справедливое покаяніе; Богъ васъ просвѣтивъ; о счастливый человѣкъ, который въ животѣ покается, и по маломъ терпѣніи животъ вѣчный получаетъ!

Храбростой. Счастливый, счастливый! будете всѣ счастливи! а по русаляхъ свадьба буде!

Перепечатано из додатка до Листка с 1892 року.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 09 02 05 017 7